

Михаил Кречмар

Книга путешественника, *или Дзэн-туризм*

Для тех,
кто стремится
избежать приключений

Михаил Кречмар

**Книга путешественника,
или Дзэн-туризм**

ИД «Бухгалтерия и банки»

2016

УДК 338.484-14-42(181.7)-51:796.5:910.4
ББК 68.9

Кречмар М. А.

Книга путешественника, или Дзэн-туризм / М. А. Кречмар — ИД
«Бухгалтерия и банки», 2016

ISBN 978-5-902479-03-1

Российская Федерация – самая огромная и наименее освоенная страна мира. Бескрайняя сибирская тайга, тундра Заполярья, уссурийские широколиственные леса – вот та грандиозная сцена, где разворачивается действие турпоходов, геологических экспедиций или экстремальных и охотничьих туров. «Книга путешественника» посвящена раскрытию «технологии странствия». Она о том, как человек может преодолевать невероятные на первый взгляд препятствия и путешествовать в самых суровых условиях, имея главным своим снаряжением ум, смекалку и внутреннее спокойствие. Автор, Михаил Кречмар, исследователь и путешественник, с четырнадцати лет участвовал в экспедиционных работах на Крайнем Севере, а позднее стал организатором съёмочных и коммерческих экспедиций «хоть на край Земли, хоть за край». За тридцать лет походной жизни ему пришлось пережить массу невероятных приключений, выбираться из самых запутанных ситуаций и на гребной лодке, в вездеходе и просто пешком преодолевать огромные пространства. В этой книге он суммировал свой опыт и опыт своих коллег, товарищей, спутников, а также аборигенов Севера – чукчей, эскимосов, эвенов и удэгейцев, с которыми ему пришлось много общаться в своих странствиях. Однако рекомендации автора рассчитаны не только на любителей экстремальных ситуаций. Основная их цель заключается в другом – показать, как этих ситуаций по возможности не допустить, применив минимальную смекалку. «Книга путешественника» рассказывает именно о «точках приложения» здравого смысла в дикой природе. А потому эта книга скорее не для искателей экстремальных приключений, а для тех, кто стремится в своих путешествиях их избежать. Для широкого круга читателей.

УДК 338.484-14-42(181.7)-51:796.5:910.4

ББК 68.9

ISBN 978-5-902479-03-1

© Кречмар М. А., 2016

© ИД «Бухгалтерия и банки», 2016

Содержание

Введение	9
Часть I	14
Глава 1	14
Тёмное время	16
Вода и обувь	16
Осенний лёд	16
Шуга	18
Стоянки	18
Погода	19
Глава 2	21
Не везёт	21
«Вроде бы» и «может быть»	22
Самый опасный зверь Севера	23
Мокрый снег	24
Стоять или идти?	26
Полиэтилен, брезент и тенты	26
Костёр	27
Шапка и рукавицы	28
Никогда не сдавайся!	28
Глава 3	29
Снег-обманщик	29
Снег, мешающий движению	31
Избегая снега	32
Снег и жилища	33
Снег как укрытие	34
Снег как утеплитель	35
Глава 4	40
Пурги Аляски	40
Пурги морских побережий	40
Синдром ожидания	41
Наперекор приметам	43
Переживание пурги	43
Что делать?	45
Позёмка	46
Чинук	47
Глава 5	49
Игры с температурами	49
Что делать?	51
Русский традиционный подход	51
Современный стиль – «хай-тек»	52
Традиционный северный подход	52
Морозные хитрости	53
Морозная мгла	54
Глава 6	55
Наледи в тайге	55
Речные наледи	57

Многолетние наледи	58
Надлёдная вода	59
Глава 7	61
Распутица	61
Наст и ночные заморозки	62
Полная распутица	64
Гребни и бровки	64
Собственно ледоход	65
Ледовые заторы	66
Паводок	67
Подъём воды в летнее время	69
Глава 8	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Михаил Кречмар

Книга путешественника, или Дзэн-туризм. Для тех, кто стремится избежать приключений

В книгу включены фотографии, выполненные автором, а также Арсением Кречмаром, Евгением Крокуновым, Татьяной Крокуновой, Ольгой Мочаловой, Василием Солкиным, Антоном Левманом, Юрием Коцюбой, Игорем Бугаевым, Александром Томиловым, Элизабет Миллер, Дмитрием Плотниковым, Юрием Шариковым, Виктором Савицким, О Мен Хи, Владимиром Бухониным, Дмитрием Чеховым, Александром Тулягановым, Русланом Кастоевым, Сергеем Мартыновым, Владимиром Дукачёвым, Адриано Сильвестри, Владимиром Бревновым, Анатолием Петровым, Еленой Гончаровой, Олегом Гончаровым, Роном Тарреллом, Павлом Гончаром, Леонидом Беленьким

Посвящается памяти Евгения Крокунова, человека, который стремился увидеть весь мир

Введение

Мы не викинги, и нечего выпячивать челюсть. Мы азиаты и здесь живём. Высшая добродетель в тундре – терпение и осторожность. Высшая дурость – лезть напролом. Огибай, выжидай, терпи. Только тогда ты тундровик.

О. Куваев. Территория

Эта книга – для человека, которого манит дорога, кто хочет испытать на своих плечах тяжесть маршрутного рюкзака и увидеть, как меняются пейзажи перед глазами в результате простого перебирания ногами по поверхности планеты Земля.

Она – не для спецназа, не для покорителей Эвереста и даже не для великих путешественников.

На тропе.

Она для тех, кто выбрал или выбирает себе работу лесника, охотника, охотоведа, геолога – в общем, работу, которая предполагает и длительные пешие переходы, и ночёвки под чистым небом, и высадки с катера прямо в накат на побережье дальневосточных морей, и сплавы по длинным, как жизнь *скудного* городского человека, северным рекам.

Автор этой книги более двадцати лет путешествовал по Дальнему Востоку, преимущественно «по казённой надобности». Будучи полевым зоологом, он изучал диких северных оленей и снежных баранов, гигантских лосей и амурских тигров, дальневосточных леопардов и бурых медведей. Впоследствии ему пришлось стать проводником охотничьих туров и организатором экспедиций.

Дальний Восток не зря считается самой непредсказуемой территорией России. Весна на его севере начинается в июне, а на юге – в начале марта. Охотское море гораздо суровее Баренцева, полоса тундры вдоль его берегов протянулась почти до широты Киева. Японское море хотя и лежит на широте моря Чёрного, но ледовые поля и метели зимой обрамляют его побе-

режье мрачными белыми фламандскими кружевами. Катастрофические паводки и коварные наледи, ураганный ветер и сводящий с *ума* гнус, метели и ливни – всем этим сполна богата дальневосточная природа. Иначе, в конце концов, какого чёрта нам бы платили пресловутые «северные» и «дальневосточные» надбавки?

Я хотел назвать эту книгу «Никогда не сдавайся», но впоследствии отказался от этой мысли, решив окрестить её так: «Дзэн-туризм». Она – о том, как человек может преодолевать невероятные на первый взгляд препятствия и путешествовать по планете в самых суровых условиях, имея главным своим снаряжением ум, смекалку и внутреннее спокойствие. Внутреннее спокойствие и уверенность в себе делают просто странствующего человека путешественником. Так рукопись обрела своё окончательное название – «Книга путешественника, или Дзэн-туризм».

Мир путешественника.

В этой книге не рассказывается о том, как штурмовать восьмитысячники или идти по тундре и плавучим льдам, побивая некие рекорды. В ней нет ничего такого, что было бы не под силу человеку обычной профессии – менеджеру или программисту, кассиру или продавцу мороженого, служащему банка или бизнесмену, – проведшему все тридцать пять лет из своих тридцати пяти внутри Московской кольцевой автодороги. Но всё это окажется ему по силам при одном условии – если он не будет бороться с природой, а примет её всю с философским спокойствием и осознанием её дуализма – незыблемости и изменяемости – что, собственно говоря, и является основополагающим принципом дзэн.

«Мы не викинги, и нечего выпячивать челюсть. Мы азиаты и здесь живём. Высшая добродетель в тундре – терпение и осторожность. Высшая дурость – лезть напролом. Огибай, выжидай, терпи. Только тогда ты тундровик».

О. Куваев. Территория

Именно принципам выживания, огибания и терпения, с неизменным достижением цели в финале, и посвящена эта книга.

В ней я постараюсь рассказать, как избежать капризов погоды, остаться в живых при нападении хищного зверя, выжить в буран и не потерять голову, заблудившись в тумане. Но самый главный совет я даю сразу, и он будет рефреном сопровождать почти каждую главу – **НИКОГДА НЕ СДАВАЙСЯ!**

В эту книгу также вошли многочисленные рекомендации и остроумные решения по выходу из сомнительных ситуаций, почерпнутые автором из самых различных книг. Должен сказать, что, несмотря на то, что книг о путешествиях и путешественниках в мире написано превеликое множество, литературы, которая бы давала подсказку, как вести себя в том или ином случае, удручающе мало. По крайней мере, такой литературы, которую бы мог прочитать «средний человек» лично для себя без напряжения и даже получить от этого некоторое удовольствие.

Одну такую книгу мы все знаем со школьной скамьи – это замечательный роман В. Арсеньева «Дерсу Узала». Но на самом деле в российской литературе есть немало столь же полезных для странника произведений, которые просто не на слуху у массового читателя.

Во время моей экспедиционной практики я с удивлением обнаружил, что очень многие приёмы и описания действий в тех или иных природных условиях, известные из приключенческой и авантюрной беллетристики, – на самом деле работают! (Дело в том, что среди таёжной и туристской братии принято несколько высокомерное отношение к жанрам так называемой лёгкой литературы.) Размышлял над этим я недолго – очевидно, что находчивость героев вестерна или «африканского» романа находится в прямой зависимости от интеллекта автора и накопленного им жизненного опыта. Банально, но – дураки интересных книг не пишут!

В конце концов путешественник «растворяется» в пространстве. Так выглядит могила оленевода в тундре.

Я взял на себя смелость включить в эту книгу много таких рекомендаций в виде прямых цитат. Опыт классиков-путешественников зачастую отличается от того, что приходилось наблюдать и делать мне, но ведь мир чертовски разнообразен, не правда ли? Прямая речь этих авторов, надеюсь, поможет вам ещё шире представить действительность.

Я намеренно не включаю сюда рекомендации на тему «спецназ ест всё», потому что, во-первых, всё ест не только спецназ, во-вторых, – я ещё раз повторяю – мои рекомендации не рассчитаны на любителей экстремальных ситуаций. Основная их цель заключается в том, как по возможности избежать этих ситуаций. Кроме того, подавляющее большинство рекомендаций, предназначенных для «экстремалов-выживальщиков», рассчитано на очень узкий спектр ситуаций. И таких приключений любой здравомыслящий человек избежит на 99,9 процента, применив минимальную смекалку. Эта книга как раз и рассказывает о «точках приложения» здравого смысла в дикой природе.

Я также не могу назвать свои заметки «школой выживания» – здесь скорее речь идёт о «вживании» в лесную, тундровую, горную реальность, с тем чтобы с наибольшим комфортом провести в этой реальности длительное время.

Некоторым сторонникам современных экологических учений покажется, что эта книга не содержит обязательных в наше время природоохранных акафистов. Да, это на самом деле так. Во-первых, значительная часть рекомендаций выработана на основе экспедиционного опыта шестидесятых-восьмидесятых годов, когда новомодные западные веяния ещё не протоптали себе тропинку в умы наших соотечественников. А во-вторых – эти рекомендации адресованы людям, для которых природа ни в коем случае не является «окружающей средой» и для которых щадящее отношение к ней – обязательный элемент жизни, например как питание или сон. С другой стороны, люди, ведущие такой образ жизни, существуют в условиях «избытка» природных ресурсов, поэтому иногда позволяют себе вырубить некоторое количество кедрового лапника для своей постели или молодых деревьев – на стойки палатки.

Когда мы говорим о воплощении в жизнь принципов дзэн, то прежде всего имеем в виду некое «состояние духа». Но состояние духа не очень хорошо помогает без определённой материальной поддержки. Каков бы ни был ваш кураж, но если вы при сорокаградусном морозе упали в воду и не имеете чем развести огонь, то вы, прошу прощения, – покойник. Поэтому я считаю, что надо говорить ещё и о тех многочисленных вещах, которые помогают нам «никогда не сдаваться». Иначе говоря – о снаряжении.

По ходу замечу – сегодня в мире выпускается огромное количество материалов, основанных на высоких технологиях, и некоторые из них обладают поистине замечательными свойствами. О таких материалах я скажу не очень много – гораздо меньше того объёма, в котором они представлены сегодня в рекламных проспектах или журналах. И дело не только в том, что самое современное снаряжение не будет таскать за вас рюкзаки или выбирать дорогу – то есть ни в коем случае не явится заменителем физической силы и здравого смысла. Речь будет идти в основном о снаряжении, с которым Пётр Иванович Кузнецов, инженер с зарплатой в 300 у. е., собирается во время отпуска на рыбалку, пушной промысел или в турпоход. Естественно, это не значит, что разговор ограничится толковищем о сравнительном достоинстве кожаных и кирзовых сапог и преимуществе брезентухи перед хлопчатобумажной тканью. Мы будем говорить и о гортексе, и о кордуре, и о полартеке, но прежде всего мы обсудим основные принципы подбора снаряжения для севера и востока России.

В дополнение скажу, что каждый из нас – людей, не один десяток лет проходивших в походы или экспедиции, – знает всё лучше всех. И то, что показалось удачным решением для меня, может у того же Петра Ивановича вызвать недоумение. Поэтому я изначально расставляю точки над *i*: большая часть моих рекомендаций ориентирована на человека, который соби-

рается провести на природе дней пять или более и пройти пешком по стране леса и камня километров сто, не менее.

А если Пётр Иванович сочтёт, что я что-то позабыл, о чём-то не написал или неправильно расставил акценты, – пусть самостоятельно изложит свои мысли.

Порой вас будет удивлять, что я часто пишу о совершенно очевидных вещах. Но именно из этих очевидных вещей и состоит премудрость жизни в простых суровых условиях. Точнее, из правильной последовательности применения простых вещей на практике.

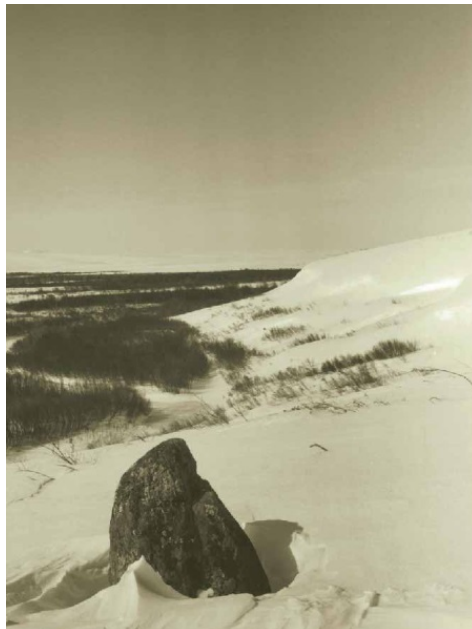
Эта книга – не для искателей приключений. Она для тех, кто стремится их в своей жизни избежать.

Благодарю всех, кто был моими наставниками и спутниками в страннической жизни на севере и востоке Сибири: моего отца, *Арсения Васильевича Кречмара*; *Владимира Викторовича Аксёнова*, моего первого начальника отряда и одного из последних пеших геодезистов Советского Союза; *Василия Феофановича Белого*, показавшего специфику геологических полевых работ на Центральной Чукотке; *Ивана Михайловича Субботина*, главного редактора газеты «Колымский тракт», где впервые увидели свет некоторые главы этой книги; *Алексея Вайсмана*, предоставившего мне справочную информацию из своей библиотеки; *Евгения и Татьяну Крокуновых*, *Василия Солкина*, *Антонина Левмана*, *Ольгу Мочалову*, предоставивших для этой книги множество фотографий; *Славу Загоскина*, человека, благодаря которому мне удалось вернуться на Чукотку.

Михаил Кречмар

Часть I Стихии Земли

Глава 1 Предзимье

Медвежий след бороздой поднимался на перевал. Когда я толком это рассмотрел, горизонт начало заливать фиолетовыми закатными красками. Я поглядел вверх, туда, где пологие гребни сопок переливались всеми оттенками синего цвета под свежими снежными наносами, вниз – там чернела решётка лиственничного леса, и прямо перед собой, где начиналась припорошенная снегом каменная осыпь.

Предстояло где-то ночевать.

Первый снег.

Через два часа, сидя возле большого костра, я попытался спланировать для себя завтрашний день. Где-то недалеко (по моим представлениям) в тесной и тёплой берлоге, под самыми гребнями скал, ворочался большой медведь, поудобнее устраиваясь на зиму. Эту берлогу он вырыл давно, где-нибудь в сентябре, затем спустился обратно к реке, после чего ещё почти месяц вылавливал с нерестилищ кижучей, закусывая их кедровым стлаником. Это был большой, настоящий медведь, не чета тем «щенкам», которые почти ежедневно встречаются на маршрутах. Лапа у него была около семнадцати сантиметров шириной¹, и оставлял он по снегу широкую, будто прокопанную бульдозером, колею. Весить он мог, по моим опять же прикидкам, около двухсот пятидесяти килограммов. Был он хитёр и умён, и именно эти качества позволили ему дожить до своих лет (я подозревал, что ему лет этих не меньше восьми – по человеческим меркам около тридцати). Для полной опасностей медвежьей жизни возраст этот уже весьма и весьма зрелый. Я видел только следы этого зверя, но в мечтах своих предполагал, что шкура у него тёмного, почти чёрного цвета с проседью.

Зверь, достигший в лесу среди «зверских» лесных порядков такого солидного возраста, укладываясь на зиму, должен предусматривать очень многое. Тем более что зимний сон – самое «тонкое» время его существования. Ничто и никто не должны его побеспокоить в длинной и узкой земляной дыре под скалой – там он будет совершенно беспомощен все семь месяцев нашей приполярной зимы. Инстинкт и опыт должны ему подсказать все варианты различных неприятностей.

Все, кроме меня.

С такими мыслями я продремал ночь возле костра и, как водится, приуспел, где-то после четырёх часов утра. Потому и не увидел, как погасли звёзды. А когда проснулся, то чистое ещё вчера небо было подёрнуто лёгкой дымкой и с него медленно сыпался мелкий осенний снежок.

Теперь неприятности были уже у *меня*.

¹ Автор большую часть своей жизни изучал бурых медведей как зоолог-исследователь и потому носит в кармане мерную ленту. Несколько специальных промеров следов позволяют довольно точно определять размеры зверя.

Как ни странно, ни о чём, вопреки выработавшемуся обычаю, я долго задумываться не стал. Если сказать честно – вообще не стал задумываться. Не стал задумываться о том, что снег этот может прекратиться через полтора часа, что медвежья берлога может быть в полукилометре от моего ночлега, что, может, я больше никогда не попаду на хороший осенний след в таких удобных местах. Не стал задумываться о шкуре, жире и желчи, а также о том, что описание берлоги представляет собой интереснейший научный материал. И даже не стал задумываться о том, что коту под хвост уйдёт полтора дня кропотливого распутывания осеннего следа.

Я встал, тщательно отряхнулся, попил чаю, без спешки, но довольно шустро собрал рюкзак и зашагал обратно к Колымской трассе.

Каждый сезон на Севере неизбежно несёт свою долю неприятностей. Весной это паводки и распутица, зимой – мороз, наледи и пурги, летом – комары и плохие дороги, осенью – дожди и снегопады. Но вот есть период, который вобрал в себя очень-очень много самых разнообразных проблем, – это предзимье.

Тёмное время

Один из самых неприятных признаков предзимья – каждый день хотя и не намного, но становится короче. Это не особенно заметно, если вы находитесь на тропе дня два-три, но уже через неделю вы понимаете, что ставить лагерь вам надо почти на час раньше. Причём это время начинает увеличиваться по мере приближения к 21 декабря – дате самой длинной ночи в Северном полушарии.

Но даже если вы живёте в стационарном лагере, то постоянно укорачивающийся день просто действует на нервы. У Джона Ле Карре мне приходилось встречать такое выражение, как «синдром переживания октября», и это говорилось о столичном городе Лондоне, а не о жизни в заброшенной охотничьей избушке где-нибудь в верховьях реки Алой.

Вода и обувь

Другая неприятность заключается в том, что в понижениях рельефа повсеместно мороз начинает выдавливать воду. Идёте вы по такой заснеженной полянке, на которой летом отродясь капли воды не лежало, – и вдруг оказываетесь в воде почти по щиколотку. Это ещё не наледи, это просто первые признаки их появления, но от них тоже можно потерпеть немало. К тому же если дни становятся всё короче и короче, то ночи – всё холоднее и холоднее. Поэтому ночёвка не просто в мокрой, но даже и просто в сырой одежде возле костра становится довольно проблематичной.

В качестве обуви для предзимья лучше всего подходят милицейские кожаные сапоги на меху с застёжкой (с моей точки зрения, конечно). Резины лучше избегать, личная практика доказывает, что, сколько бы ни наматывать портянок на ногу под болотный сапог, всё равно при морозе за десять градусов нога на остановках мёрзнет до деревянного состояния.

Осенний лёд

Ещё одна особенность данного сезона – не до конца замёрзшие реки. Реки северо-востока обычно перехватываются на медленных плёсах, где самые глубокие ямы. Двигаться по этим «перехватам» надо очень и очень осторожно, простукивая лёд палкой. Если вы идёте не один, то следите, чтобы ваш напарник шёл подальше от вас, метрах в десяти-пятнадцати. Это даёт некоторую гарантию, что он не провалится вместе с вами, если лёд неожиданно треснет под тяжестью одного человека.

Справедливости ради надо сказать, что осенний лёд гораздо крепче весеннего, и не зря про него сложена поговорка «Осенний лёд – свищу да пропушу, весенний лёд – молчу да опушу». Хотя «свист» льда – очень характерный *звук*, с которым лёд трескается, – сам по себе есть не очень хороший признак, и ваш покорный слуга, услышав его, обычно поворачивает обратно.

Вообще, замерзание рек – процесс длительный и сложный. Ледостав происходит в течение нескольких дней, причём раньше всего замерзают озёра, потом тихие, спокойные долинные реки, а уж затем – быстрые реки горных долин.

Уход от нависших над рекой обрывов.

О том, что замёрзли озёра, вы узнаете по уткам. Огромное количество нырковых уток – турпанов, чернетей, синьги – строят свои гнёзда уже после половодья, то есть очень поздно по птичьим северным меркам.

И отлетают они на юг не в едином порыве, как благородные утки, а тянут с началом отлёта до самого предела. Этот предел как раз и наступает при замерзании озёр, на которых и держатся семьи нырковых уток. Тогда они все внезапно появляются на, казалось бы, уже вымершей реке и улетают в течение двух-трёх дней.

Реки замерзают как минимум через неделю после того, как температура воздуха упадёт до минус двадцати градусов. А крупные быстрые реки даже в сорокаградусные морозы могут не замёрзнуть даже до середины декабря. В принципе здесь работает одно правило – чем больше масса воды, тем медленнее она замерзает.

Замерзает река начинает с заливов, которые на северо-востоке называются «култуками». Река ещё течёт, когда лёд на этих култуках становится таким прочным, что выдерживает тяжесть человека. Затем, во всяких затишьях, за мысами, корягами и просто на тихих плёсах, образуются забереги – примёрзшие к берегу куски льда толщиной в оконное стекло и такой же прозрачности. Далее ситуация вновь стабилизируется, всё так же давит мороз, всё так же светит бледное зимнее солнце, всё так же земля наливается зимним холодом... И наконец, по реке начинает плыть шуга.

Шуга

Шуга – это лёд, который образуется прямо на поверхности воды, кристаллизуясь иголочками, и плывёт вниз по течению, сбиваясь в небольшие, а позже – и в крупные островки. На поворотах и перекатах они цепляются друг за друга и, смерзаясь воедино, постепенно образуют ледяные мосты поперёк реки – так называемые перехваты. Затем эти перехваты смерзаются между собой и река «встаёт». Есть шуга, которая всплывает со дна реки, – это донный лёд, который образуется на перекатах, где морозный воздух охлаждает дно реки под перекатом через тонкую плёнку воды до отрицательной температуры, в то время как сама бегущая по перекату вода имеет температуру плюс четыре градуса, и на дне начинает вырастать тот самый лёд, который стал причиной едва не состоявшейся дуэли между старожилами в знаменитом рассказе Джека Лондона.

Так начинается снег...

Появление шуги знаменует собой тот факт, что в ближайшие дни река замёрзнет на большем своём протяжении и путешественник может попробовать найти место для перехода.

Стоянки

Рассчитывать маршруты в предзимнее время надо таким образом, чтобы успеть попасть под крышу как минимум часа за полтора до наступления темноты. А если вы такой энтузиаст, что путешествуете с ночёвками под открытым небом, то имейте в виду – осенью для приготовления ночлега вам потребуется больше времени, чем летом и даже зимой. Дело в том, что зимой вы можете использовать снег в качестве строительного материала и вообще для очень многих целей. В нём можно рыть ямы, нагреть его защитными стенками, в него можно на худой конец просто закопаться. А в предзимье снега нет, но холодно, особенно ночью. Так что

осенью всё приходится мастерить самому: городить временные крыши, рубить много лапника на постель и балаганы, валить деревья на ноды².

Погода

Первый снег в России характерен тем, что рано или поздно, но он всё равно пойдёт. Поэтому где-то с середины сентября к снегу надо быть готовым в любой момент. Если вы находитесь на зимовье, то помните – у снега существует противное свойство засыпать все предметы. Причём далеко не все они после его таяния могут обнаружиться весной. Особенно это относится к топорам. Кроме того, ежели снегом что-нибудь замело, то найти это «что-то» прямо сейчас становится очень и очень проблематично. Поэтому в ожидании выпадения снега желательно всё снаряжение или прятать под крышу, или закрывать тентами или ящиками.

Поиски места для лагеря.

Вообще, в предзимнее время погода не очень устойчива. То есть неустойчива совершенно. Краткосрочные прогнозы здесь не работают совсем. Помнится, в 1983 году на реке Убиенке, притоке Анадыря, в октябре прошла шуга, плёсы перехватило льдом, который держал человека, мы вытащили лодки на берег, а через два дня потеплело, пошёл дождь, и мы катались на моторках по реке ещё почти неделю.

Так что поздней осенью можно быть уверенным по большому счёту лишь в одном – в конце концов выпадет снег и ударят морозы.

А вообще, все погодные изменения поздней осенью толкуются, как принято говорить у юристов, в пользу сомнения. Так что если вы осенью на маршруте видите, что погода начинает... даже нет, не курвиться, а так, чуть-чуть вызывать сомнения в своей стабильности, – лучше не думайте. Поднимайтесь и идите домой.

«Арктическая осень вовсе не такое неприятное время года, как многие думают. Незаметно скользишь ей навстречу из живой страны детства, видишь природу, застывшую от холода, но и не думаешь со страхом о мраке, ждущем впереди, или о бурях и выюгах, сквозь которые придётся пробиваться. Напротив! Над всеми чувствами господствует чувство надежды,

² Охлаждающая сила ветра, воздействующая на ткани организма, как эквивалент температуры.

связанной с первым снегом, с первым льдом. Зима ведь не враг, она великая помощница, перекидывающая мосты через моря, прикрывающая голые камни гор и сглаживающая расселины. И как только санный путь сделает поездку возможной, тебя неудержимо тянет вдаль, рождаются новые планы, и ты только и ждёшь с нетерпением, чтобы мороз покрепчал».

К. Расмуссен. Великий санный путь

Глава 2

Мокрый снег

Что-то всё шло наперекосяк на этой охоте. Знаете, как бывает, – достаточно чему-то одному не заладиться сначала, и хорошо уже не выходит до самого конца. Или, как утверждает один мой приятель, большой реалист и знаток жизни, – «если начало предприятия хреновое, то конец будет вообще хуже некуда».

Не везёт

Дело было в середине сентября не помню какого года.

Сперва обалдуй-организатор забросил нас. трофейных охотников на снежного барана, группками по двое в места, где этот баран если и жил, то преимущественно в теории. Следы были старые, их было мало, и было не вполне понятно, оставили их звери год назад или три. Сразу после заброски полил дождь, и лил не переставая три дня. После этого дождя мелкие речки «переплюйки», которые обычно можно было переходить в коротких сапогах, превратились в пенистые потоки, вода по которым неслась белая, как хорошо взболтанное шампанское. Каждый переход через такой ручей превращался в отдельное мероприятие, которое порой занимало по полдня. А речек таких на десять километров пути попадалось штуки по три.

Потом дождь стих, но радости нам это уже не прибавило: мой товарищ промахнулся по большому медведю. Медведь был большой по-настоящему, килограммов на триста пятьдесят – четыреста, и такой трофей вполне мог примирить нас с некоторыми бытовыми неудобствами. Но большой медведь – видимо, не впервые за свою жизнь – доказал, что он не просто так достиг своего возраста и размеров. Почувствовав опасность для своей шкуры, он удрал по заросшему кедровым стлаником логу, так что хорошо рассмотреть мы его смогли только метров за шесть-сот, то есть за пределом реального прицельного выстрела.

После снегопада.

В довершение наших неприятностей в тот самый день, когда нас на хребте должен был забрать вертолёт, этот самый хребет затянуло туманом, да так, что в тридцати метрах нельзя было отличить валун размером с дачный домик от кошкиной бабушки. А когда туман наконец рассосался, мы пришли к выводу, что необходимо как можно скорее двигаться в сторону ближайшего жилья с твёрдой крышей над головой, баней и электричеством – рыбацкой базе, которая находилась в двадцати двух километрах от места, где мы ожидали наш злосчастный борт.

«Вроде бы» и «может быть»

Утром обычно даже самые отпетые реалисты становятся оптимистами хотя бы на полчаса, и то утро не являлось исключением. Окаянный туман растворился в воздухе, небо на восходе солнца пополнилось тем сиреневым цветом, который обычно предшествует ясному дню, и только на северо-востоке, возле скалистого морского мыса, носящего ныне имя лейтенанта русской картографической службы Евреинова, клубились безобидные барашки кучевых облачков.

Может быть – безобидные. В наших краях, если говоришь о погоде, никогда не будешь вполне точен, если не употребишь выражения «может быть» и «вроде бы». Кстати, это относится к большинству природных явлений.

Ну так вот, маршрут наш был хорош, но не очень (в том смысле, что на Охотском берегу есть много мест похуже), через стланик напрямую лезть надо было не очень часто, валуны тоже составляли не больше одной десятой пути. До устья реки с рыббазой было семь сопочек, и все их предстояло преодолеть по гребню – именно вдоль гребней обычно идут магистральные медвежьи тропы.

И когда мы поднялись на гребень второго холма и присели передохнуть, находя укрытие от ветра среди огромных камней, похожих на развалины крепостной стены, я посмотрел назад, на мыс Евреинова.

Посмотрел и понял, что акцент в выражении «может быть – безобидные» резко покатился в сторону отрицания: «а может, и нет». В том месте, где к берегу вплотную подходит горная гряда, клубилось свинцовое шаровое облако и под ним опускалась сизая завеса.

Самый опасный зверь Севера

– Чёрт, опять, что ли, туман ползёт. – хмуро выругался компаньон.

Я прикинул расстояние до пелены, а затем – до устья Сиглана. Самым разумным сейчас было немедленно раскинуть палатку и собрать дрова для огромного костра – благо прямо под нами находился обширный горе льник. Но лежать опять придётся в сырых спальниках, в запотевшей палатке, ютиться у огня, когда с одного бока тебя сушит, а с другого – поливает... А с другой стороны – бревенчатый дом. бензиновая электростанция, и как следствие её наличия – «лампочка Ильича» под потолком, каменная печка, и баня, о боги – баня! И всё это – уже в семнадцати километрах, семнадцати километрах не очень плохой дороги, а на часах – всего десять утра! А решение – за мной, мой гость приехал в Магаданскую область только на охоту и знает об этих местах меньше, чем я о пустыне Наска в Южной Америке.

Мокрый снег

Начинаешь думать: продукты на исходе – облепляет всё на свете... мы уже неделю в горах: спальники отсырели, ночевать в них уже рискованно, можно и простыть: по утрам морозит, легко схватить даже воспаление лёгких. К тому же компаньон мой непривычен к большим переходам – давеча восемь километров прошёл и посчитал это подвигом – дескать, сам он бизнесмен и не привык выходить из автомобиля. Подвиг не подвиг, но ведь он взрослый мужчина пятидесяти лет, держится молодцом, да и вообще я искренне убеждён, что практически любой человек по большинству дорог способен держать скорость минимум два километра в час – а значит, за десять часов пройти двадцать кэмэ. Конечно, пройти с остановками, может, с чаёвкой, упасть под конец пути – но пройти. И вообще, за три километра до финиша домики будут видны с сопки, тут у него ещё сил прибавится... Дорога эта мне знакома, я уже раза три здесь ходил, местность себе представляю хорошо. Непромокаемых курток у нас, правда, нет, зато есть рукавицы... Бельё на нас шерстяное, оно греет даже мокрое. Ещё один комплект одежды, относительно сухой, с собой в рюкзаках. А там печка, лампочка, баня...

И я принимаю решение, довольно рискованное, основанное на знании местности, оценке сил компаньона, а также понимании опасности, которая ползёт на нас с северо-востока.

– Пошли, – говорю, – Иосиф. Но сначала посмотри на самого опасного зверя Севера. Его не убьёшь из карабина и не заманишь в петлю. Сам он похоронил людей в наших краях больше, чем все медведи, вместе взятые, и меньше только, чем люди сами себя. Видишь плену на нашем старом лагере? Это не туман. Это мокрый снег.

Мокрый снег

Мокрый снег по праву считается одной из самых больших опасностей, которые могут прихватить путника на тропе. Во-первых, он обладает способностью очень быстро напитывать водой любую одежду – он прилипает к ней. а потом тает, в то время как капли воды во время обычного дождя первое время стряхиваются с ткани. Нейлон и болонья от снега не промокают, но они действуют изнутри как баня, поэтому если вы двигаетесь, то скоро вымокнете от пота. То же самое касается палаток. Снег в состоянии абсолютно промочить классическую плащ-палаточную ткань, удержать его могут только тяжёлый брезент, полиэтилен и современные непромокаемые ткани, идущие на большинство маршрутных палаток. Но и для них мокрый снег представляет значительную опасность, потому что во время снегопадов его идёт много, и он вполне способен прогнуть и даже сломать отечественные дуги из не вполне качественного российского алюминия или китайского полифайбера. Но, во-вторых, в-третьих и в-последних, мокрый снег опасен тем, что он тает на одежде, на руках, на лице и забирает тепло, а значит – высасывает жизнь. Он не стряхивается с одежды, подобно зимнему снегу, он прилипает ко всему, всё обволакивает, и это всё в итоге катастрофически остывает и становится пропитанным водой. Поэтому во время снегопада так трудно разжечь костёр.

Ко всему, если снегопад за ночь проходит и к утру устанавливается ясная погода, то она приносит заморозок и свежавыпавший снег схватывается ледяной коркой.

Мокрый снег бывает двух видов – весенний и осенний. С первым ещё можно кое-как мириться, хотя весенние снегопады, как правило, обильнее. Дело просто в том, что весной каждый день становится длиннее и – теплее. То есть, переживая снегопад, вы практически уверены в том, что вскоре установится хорошая погода, которая будет вам на руку, и вы, не делая резких и необдуманных движений, придёте к жилью.

Иное дело – осень, особенно в континентальных сибирских районах. Во-первых, всегда есть вероятность, что именно этот снег может лечь уже на всю зиму. И выпасть его может так много, что он серьёзно затруднит ваше передвижение, особенно в незнакомой местности. Во-вторых, изо дня в день осенью становится холоднее и холоднее, морозы уже даже в конце сентября где-нибудь на Омолоне или Коркодоне запросто двинут за двадцатиградусную отметку.

Мокрый снег опасен не только для людей, но и для палаток.

И если вас перед этим хорошенько вымочил снег, то вам приходится быть предельно осторожным. Кроме того, каждый день осени у вас ворует по полчаса светлого времени, то есть если вам особенно не повезло и вы где-то пережидали непогоду дня три, то вам нужно при расчёте вашего обратного пути вычесть почти полтора часа ежедневного хода. А в случае, когда вы или попали в неприятную ситуацию, или обстановка начинает резко ухудшаться, совершенно нельзя торопиться. Буквально каждый ваш шаг должен быть взвешен и обдуман.

Стоять или идти?

Вы помните, как нам приходилось принимать решение – останавливаться или двигаться к жилью? Очень многое зависит от вашего самочувствия – нельзя идти по тайге через силу. Вы должны быть уверены, что вам хватит сил не только на оставшиеся до укрытия километры, но и на какую-нибудь неприятность по дороге. А неприятности имеют свойство накладываться друг на друга (см. начало моего рассказа).

Однако, когда вы движетесь, вы согреваете себя сами, даже несмотря на мокрую одежду. Здесь только надо очень хорошо рассчитать время остановок для отдыха – и замерзнуть на привале в мокрой одежде никак нельзя, и передохнуть нужно как можно более полно. Выход один – золотая середина.

Выбирая стоянку, вам надо очень точно определить, как долго вы сможете пережить непогоду. Вам потребуется время на выбор правильного места и ещё некоторое время на подготовку стоянки. Хорошо, если у вас переносная палатка, но может случиться так, что вы путешествуете вообще налегке – от избушки к избушке, что вообще для Севера России дело обычное.

Полиэтилен, брезент и тенты

Что же делать, если вам пришлось пережить мокрый снег в лесу?

Прежде всего найдите надёжное убежище от ветра. Мокрый снег опасен сам по себе, в сочетании же с ветром он опасен вдвойне.

Лично я всегда в своём походном рюкзаке таскаю кусок полиэтилена где-то метра два на три или такой же кусок лёгкого брезента. Им всегда можно заслониться от снега с наветренной стороны. Конечно, сегодня есть масса более лёгких водостойких материалов, но вам придётся спасаться от снега не только заслонкой, но и огнём – а все эти нейлоны, капроны и прочие «... оны» гораздо огнеопаснее. Брезент лучше полиэтилена, но тяжелее. Хотя многие современные путешественники предпочитают брезенту современные синтетические тенты с пробитыми по краям люверсами. Тенты эти недорого стоят, весят около полукилограмма и занимают очень мало места в рюкзаке. Такие предпочтения оказываются в конце концов делом привычки.

Существует много вариантов укрытий из подручных материалов. Чаще всего это односкатные шалаши и балаганы, их сооружение требует много времени, и желательно иметь топор, на худой конец – большой нож. Балаган кроется стланиковым лапником или древесным корьём. На устройство примитивного балагана уходит часа два. с хорошим костром – три. но если у вас есть подозрение, что бедовать придётся долго, оно того стоит.

Костёр

Другой ваш союзник – костёр. Поэтому, найдя затишок от ветра, вам предстоит позаботиться о дровах.

АКСИОМА: ДРОВ МНОГО НЕ ВВІВАЕТ!

Так что предстоит вам развести большой костёр и поддерживать его. Маленький костёр не годится: во-первых, мокрый снег с лёгкостью погасит его, во-вторых, вам костёр нужен для обогрева. Тепло – это жизнь, и тепла должно быть много!

Мокрый снег весной особенно опасен для путников.

Способов разжигания костра в сырую погоду довольно много, и подробно я расскажу о них позже. Основа рецепта же чаще всего одна – много растопки, правильно сложенный

костёр, сильный и долговременный источник огня. В качестве последнего может фигурировать и свечка, и маленькая термитная шашка (очень хорошо, рекомендую), и фальшфейер (тяжеловат, но многофункционален, с его помощью можно и вертолёт посадить, и медведя пугнуть). Я даже знавал охотника, который таскал с собой плотно завинченный пластиковый пузырёк с керосином. Всякие чудо-спички типа «спичек охотника» или «ветровых» хороши, но не универсальны – горят быстро, и ими надо уметь пользоваться.

Для тепла же вам надо понемногу всё время двигаться. Нельзя давать сну одолевать себя – собирайте сучья, поддерживайте огонь, пейте чай. Чай с сахаром. Его тоже должно быть много.

Шапка и рукавицы

Если вам доведётся путешествовать в местах, где вас может неожиданно прихватить мокрый снег, следует позаботиться об удобной, а главное, тёплой одежде. Прежде всего, у вас должны быть шапка и перчатки. Тепло из тела чаще всего уходит через руки и ноги, так что совершенно обязателен дополнительный комплект шерстяных носков в непромокаемой упаковке. У костра желательно сидеть всё равно в перчатках – снег падает на руки всё время, а каждая калория, уходящая из тела, не возвращается туда обратно!

Никогда не сдавайся!

Когда мы с Иосифом пили чай под бревенчатой крышей, за стеной трещала электростанция, а в соседнем строении топилась баня, он, подмигнув мне, неожиданно сказал:

– Михаил, согласишься, было опасно? Мы могли замёрзнуть по дороге и даже погибнуть?

– Мы? Ни в коем случае!

– Почему?

– Потому что этого делать нельзя. Нельзя даже думать об этом, мысли такой допускать. Если ты не сдаёшься, то можешь выкрутиться из любой пакости, в которую тебя втравит природа. Так что выход всегда есть – никогда не сдавайся!

Глава 3

Просто снег

*Снег, снег, снег, снег,
Снег над палаткой кружится.
Вот и кончается наш
Краткий ночлег.
Снег, снег, снег, снег
Тихо на тундру ложится.
По берегам замерзающих рек —
Снег, снег, снег.*

А. Городницкий

Снег – это явление, которое определяет жизнь на большей части территории России, где снежный покров держится в течение почти полугода. Он оказывает огромное влияние на модели одежды, конструкции автомобилей, строительство городов, расписание автотранспорта и множество других вещей, которые для нас с вами, людей, живущих в стране снега, настолько очевидны, что мы даже не обращаем на них внимания. Но неизмеримо больше снег значит для существования любого живого существа непосредственно в природе. Более того, почти всё существование людей в тайге и тундре проходит под знаками снега и холода.

Снег скрывает рельеф, снег затрудняет движение, снег остужает тело, от него промокает одежда и обувь, снег оседает на деревьях и сыплется за воротник, снег обрушивается с гребней гор ужасающими лавинами, снег замечает следы и закупоривает жилища... При этом снег может быть укрытием и утеплителем, снег указывает следы, снег помогает найти жильё, снег способствует преодолению огромных расстояний, связывает берега и закрывает овраги. В лесах и на равнинах России зимой без ежеминутной поддержки цивилизации выживает лишь тот, кто может в снеге найти союзника.

А снег может быть союзником. В отличие от мороза. Но сперва мы рассмотрим его в качестве противника.

Снег-обманщик

Наша экспедиция сплавлялась по реке Анадырь в её верхнем течении. Лодки шли хорошо. мы покрывали по шестьдесят километров в сутки. Но такого результата мы достигали только за счёт того, что не разбивали собственных лагерей, а ночевали в избах охотников. лагерях лесорубов и прочих таёжных постройках. если нам удавалось их найти. Этим мы ежедневно экономили как минимум два часа времени на сплаве – того, что обычно уходило на постановку палаток. Вот и сегодня нашей задачей было добраться до лагеря геологов на реке Бараньей. Устье Бараньей было перед нами, но вот места, где мог стоять лагерь, мы никак не видели. Перед нами располагалась лесотундровая грива, вся в кочках и поросшая корявой полярной берёзкой. На таком взлобке не расположился бы даже самый пьяный и невзыскательный абориген. Тем не менее мы, взглядевшись, различили в полукилометре от нас белые купола палаток.

– Всё ясно. – ехидно хихикнул Володя Аксёнов, начальник отряда. – Лагерь по снегу разбивали...

– Ага. – мрачно подтвердил завхоз партии. – В марте нашли это место на самолёте. Решили – место высокое, навёрное, сухое, привезли сюда палатки, поставили базу.

Два года планируем ведь работать. А тут начал снег таять – его здесь полтора метра было, всё из-под него и полезло. Сперва кусты, потом кочки, потом захлюпало болото между кочек...

Установленная в толще снега палатка становится теплее.

Историй, подобной этой, довольно много. Неквалифицированный выбор места для лагеря или избушки в зимнее время, по снегу, способен надолго предопределить жизнь его обитателей.

Должен сказать, что господа геологи отделались тогда ещё лёгким испугом. Другая партия, которая разбрасывала зимой железные бочки-лабазы с консервами, сигаретами, мукой, сухарями и маслом для того, чтобы их могли использовать летние маршрутные группы, сбросила такую «бочку снабжения» прямо посреди единственного на всё плато озера диаметром всего в десять метров и потому не попавшего в масштаб карты-километровки.

«Снег, снег, снег, снег... Снег над палаткой кружится...

Поэтому, если вы выбираете место для стоянки по снегу зимой и хотите использовать её и летом, – постарайтесь как можно дотошнее узнать, что представляет здесь собой земля в тёплое время года.

Выкопать яму не всегда бывает возможно – глубина снега с подветренных склонов сопки может превышать два метра, и по одному пробному прокопу не определишь характер местности целиком.

Иногда можно выбрать для лагеря обдутую до земли кромку берега – но это будет автоматически означать, что здесь всё время будет хотя бы небольшой ветерок.

Кстати, уж очень глубокий снег на понравившемся месте может означать также, что летом на этом участке будет небольшая болотина.

Снег никогда не подскажет вам, что находится под ним. Для того чтобы это узнать, надо применить много настойчивости и умения.

Снег, мешающий движению

Снег задерживает движение – особенно если человек не готов к движению по снегу. То есть нет у него ни лыж, ни снегоступов, ни даже обуви подходящей. Ну, очевидно, вся жизненная стратегия в такой момент должна подчиняться тому, чтобы выйти к какому-нибудь убежищу и постараться привести себя и своё снаряжение в соответствие с ситуацией.

Само собой разумеется, вы этот снегопад переждали у костра и дождались, когда совпадут два момента. Во-первых, снегопад должен прекратиться совсем. Сколько людей погибло, приняв перерыв между снежными зарядами за конец снегопада и покинув стоянку! Во-вторых, погода должна проясниться до того состояния, когда можно осмотреться на местности и определить направление движения.

Прежде всего прикиньте, есть ли на вашем пути реки, ручьи или протоки и в каких местах вы будете их преодолевать.

Дело в том, что вода под снегом – один из самых опасных врагов. Выпавший снег глубиной с полметра просто закрывает воду как одеялом, и лёд на этой воде образуется не сразу. Таким образом, двигаясь по свежевывавшему снегу, можно провалиться и в яму на реке, и просто в глубокую лужу. Таким образом, вы намокнете и этим увеличатся шансы замёрзнуть на тропе.

Снег обволакивает все предметы, как одеяло...

Свежевывавший снег, как правило, рыхлый, как пух. Существует иллюзия, что он не сильно задерживает движение, потому что его сопротивление преодолевается легко. Но это – на первый взгляд. Так или иначе он тормозит и связывает движения ног, скрывает как незамерзшую воду, так и упавшие деревья, ямы, промоины и всякие разнообразные препятствия на вашем пути. Кроме того, он очень сильно искажает рельеф местности – двухметровый овраг может выглядеть как незначительная складка в полметра.

Кроме того, снег на камнях может заставить вас поскользнуться – и это тоже ни к чему хорошему не приведёт. Для того чтобы свести к минимуму неприятности, которые доставляет снег на тропе, я рекомендую вырезать дорожный посох и проверять им все сомнительные места – ямы, в которых может скрываться вода, ложбины, которые грозят оказаться без дна, надувы, в которых можно провалиться по шею... Кроме того... ладно, про посох поговорим отдельно.

В первую очередь снег мочит и холодит ноги, тем самым охлаждая всё тело. Поэтому, если ваша обувь и не совсем подходит для движения по снегу, лучше выпустить брюки наружу, чтобы снег не так насыпался в ботинки, и перевязать их у подъёма стопы каким-нибудь шнуром или бечёвкой.

Двигаясь по свежевывавшему снегу, лучше останавливаться в безветренных местах, присаживаясь на стволы деревьев, предварительно их очистив. Ноги при этом лучше поднимать из сугроба и тоже устраивать им отдых на стволе.

Избегая снега

Выбираясь откуда-либо по снегу без лыж, надо примерно прикидывать, где этого самого снега будет меньше или не окажется вообще. Такими местами обычно бывают самые бровки речных и морских берегов, наветренные склоны гребней сопки, вершины возвышенностей.

Напротив, больше всего снега скапливается в низинах, поросших кустарником, и под гребнями гор с подветренной стороны. Через такие места ни в коем случае нельзя лезть напролом. Словом, всё, как всегда: хочешь передвигаться спокойно и с комфортом – огибай, выжидай, терпи.

Снег и жилища

Снег засыпает всё. Человеческие жилища тоже не являются исключением. В многоснежных районах избышки изначально строят так, чтобы дверь открывалась толчком внутрь. Это делается для того, чтобы, как бы ни было замечено снегом жильё, обессиленный человек всегда мог в него попасть.

Ещё одно таёжное правило – лопата всегда кладётся на крышу, прямо над дверью, так, чтобы ручка её торчала наружу сантиметров на тридцать – поворошив в сугробе, нависшем над дверью, вы нащупаете этот самый необходимый в снежных краях предмет.

Для того чтобы как можно меньше снега попадало непосредственно в жилище, к избам пристраивают сени. В сенях люди отряхиваются и оставляют набитую снегом одежду.

В предчувствии снегопада.

Кроме того, если вы обращали внимание, то, наверное, заметили, что в самих зимовьях вокруг печки в стены и потолок вбито огромное количество гвоздей.

На эти гвозди вешаются после каждого выхода на улицу многочисленные отсыревшие вещи – таким образом, чтобы сухая и тёплая смена полного комплекта одежды всегда была наготове.

Ведь нет ничего приятнее, чем под весёлое потрескивание огня в печи полностью скинуть тяжёлые мокрые валенки, присыпанный снегом полушубок, влажный свитер, пропитанные снегом брюки и натянуть на себя сухое и тёплое бельё.

При этом надо помнить, что в краях обильных снегопадов снег может оказаться той силой, которая способна всерьёз повредить ваше жилище. Снег способен просто раздавить оставленную на зиму палатку, искорёжить избушку и просто разрушить наскоро построенный балаган.

В первую очередь это касается крыши. Поэтому в строительстве крыш в многоснежных районах преобладают две тенденции. Их строят или с крутым скатом – с тем чтобы снег как бы стекал с крыши, и наоборот – почти плоской – чтобы ветер с неё снег сдувал. Естественно, первый тип строится в тихих местах, второй – на берегах рек, морей и прочих ветродуях.

Снег как укрытие

Снег может быть и укрытием – температура под снегом значительно выше, чем на его поверхности. Переживание пурги в норе, которая выкапывается в снеговой толще, – отнюдь не фигура речи для красного словца. Кроме того, очень многие российские детишки строили в детстве настоящие снежные дома в сугробах и, возможно, помнят, насколько в них было спокойно и уютно.

Стенки из снега – прекрасные убежища от ветра и пурги.

Во время ночёвок зимой под открытым небом в зимнее время вы в первую очередь выбираете тихое безветренное место с большим сугробом. Именно этот сугроб будет служить вам экраном для огня. Ногами или лыжами вы скапываете часть его (причём выброшенный снег складываете сверху, как бы надстраивая снежную горку), так, чтобы сугроб стал вертикальной стенкой, нависающей над вашим временным биваком. Свой скарб – лыжи, рюкзак, коврик, спальный мешок и прочее – вы укладываете у его подножия, а в полутора-двух метрах от его основания укладываете долгоиграющий костёр – нодью. Сугроб отражает тепло и свет от огня, и между ним и костром образуется вполне приемлемый микроклимат.

Снег как утеплитель

Снег помогает утеплять как временные убежища – палатки, навесы, так и постоянные – избушки, балаганы, зимовья. Сразу после доброго снегопада таёжные жители нагребают сугробы вокруг своих домиков и подновляют их регулярно. Снегом засыпают борта палаток, в снег вкапывают временные палаточные лагеря – потому что именно толща снега удерживает тепло за тонким брезентом временных человеческих убежищ в этих чертовски негостеприимных условиях.

Существует ещё один способ использования снега в качестве убежища путешественников. Этот метод многократно повторяется в самой разнообразной литературе и с таким количеством противоречивых подробностей, что кажется почти мифологическим. Это строительство снежных хижин, или иглу.

Судя по литературе, иглу некоторой части канадских и гренландских эскимосов были не столько убежищами, сколько настоящими домами этих людей. Кстати, эскимосы азиатского материка жили не в иглу, а в крытых звериными шкурами полуземлянках – нынлю.

Описание строительства иглу приводится в подавляющем большинстве пособий по выживанию. Лично мне ни разу не приходилось строить иглу в его, так сказать, чистом виде. Но вот различных снежных убежищ мне довелось построить не так уж мало.

Поэтому то, что я расскажу ниже, будет являться смесью рассказов опытных «иглу-строителей» с моими личными наблюдениями в этой области.

Строительство иглу является поистине гениальным манёвром, обращающим врага в друга: и манёвр этот мог родиться только в головах людей, никогда не представлявших себе иного места обитания, чем безлесная кромка полярных льдов.

Снег засыпает дома под самую крышу

Основными предпосылками постройки таких домов являются две вещи:

- во-первых, плотный снег удерживает тепло благодаря заключённому в его структуре воздуху – как это делает такой общеизвестный, используемый в строительстве материал, как пенопласт;
- во-вторых, в построенном снежном домике удерживается тепловой баланс между отрицательной температурой снаружи и небольшой положительной температурой внутри, благодаря чему незначительный источник тепла, которым отапливаются иглу, не в состоянии разрушить его изнутри.

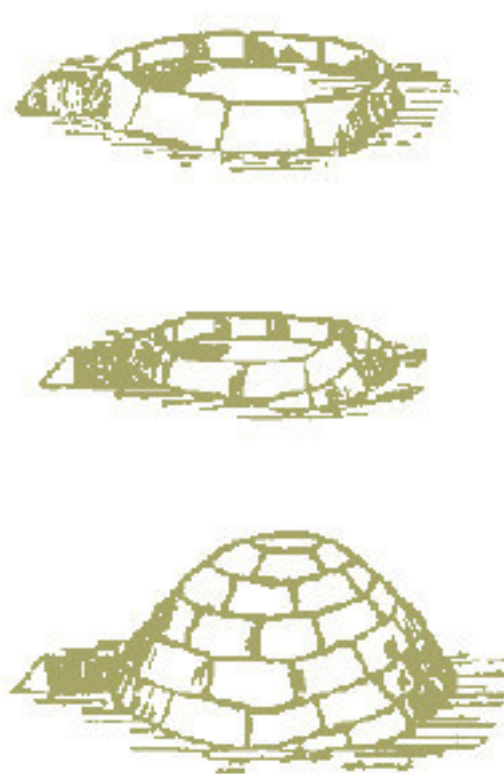

Схема постройки снежной хижины – иглу. По книге «Справочник путешественника и краеведа»

Особенности национального эскимосского строительства таковы.

Выбирается ровная площадка с глубоким удутым снегом, на которой можно как поставить хижину, так и нарезать потребное количество снежных кирпичей.

На площадке очерчивается круг, равный диаметру будущего жилища. Для группы в три человека диаметр иглу, считает С. Обручев, должен быть три метра, на четырёх человек – чуть больше трёх с половиной (3.6 м).

В качестве строительного материала используются снежные блоки, нарезаемые с поверхности снега. У разных авторов их размеры колеблются в пределах 10–15 × 60–100 × 40–60 сантиметров. Блоки эти устанавливаются внутрь стороной, покрытой настом, во всяком случае – той стороной, что была на поверхности снега при изготовлении блоков.

Строительство иглу ведётся по спирали. Для этого первый уровень блоков, который, собственно говоря, и будет составлять фундамент хижины, делается из самых крупных кусков: эти куски, уже будучи установленными по кругу, срезаются под наклоном к земле так, чтобы все следующие укладывались по спирали. Каждый следующий слой блоков устанавливается с уклоном в пять градусов внутрь по отношению к предыдущему, чтобы блоки в конечном итоге образовывали свод. При этом строители не обращают внимания на изобилие щелей в стенах. По сути, блоки, которые устанавливаются наклонно, являются только базисом купола, все отверстия в котором впоследствии «замазываются» снегом.

Верх хижины закрывается одним или двумя плоскими снежными блоками.

Под готовый купол иглу с подветренной стороны прорывается лаз-тоннель, который должен находиться ниже уровня пола. В качестве «двери» в хижину вырезается отдельный большой снежный блок.

В описаниях строительства оригинальных иглу эскимосами постоянно упоминается такой инструмент, как снеговой нож. Наша же практика строительства снежных убежищ доказывает, что в этом качестве отлично подходит длинная пила-ножовка.

Как можно понять из вышесказанного, строительство иглу – дело довольно муторное. Содержит большое количество очень важных деталей и требует значительной тренировки. Европейцы довольно долго не могли научиться строить иглу и даже утверждали, что искусство их возведения доступно лишь эскимосам с их иррационально развитым «чувством снега».

Первым преуспел в этом деле самый универсальный полярник всех времён и народов Р. Амундсен. Он же потом рассказывал, что для того, чтобы построить более или менее нормальную хижину, ему пришлось сложить как минимум шесть домиков.

Строительство убежищ из снега – иглу – традиционный элемент выживания в стране снегов.

Снежные убежища, которые мне приходилось многократно строить во время странствий в северном Приохотье, были на уровень более примитивны. Чаще всего это были выкопанные в высоком сугробе снеговые пещеры около двух-трёх метров длиной и полутора метров высотой, у входа в которые горел костёр. Иногда это были заслоны из пресловутых снежных кирпичей, которые также использовались прежде всего в качестве экрана для костра.

А почему мне ни разу не приходила мысль построить иглу в какой-нибудь нейтральной ситуации, для обеспечения себя каким-либо кровом. – может спросить читатель.

Так выглядит снежная хижина в законченном виде

А вот почему. В своих собственных путешествиях я всегда старался двигаться тайгой. в крайнем случае лесотундрой – то есть в условиях избытка горючего материала. А при таком раскладе мощная энергосберегающая система, которой и является иглу с точки зрения чистой термодинамики, не нужна!

«Нечто столь будничное, как постройка снежной хижины, что мы делали сами сотни раз, оказалось здесь настоящим чудом. В жизни не видывали мы, чтобы хижина вырастала из снежных сугробов с такой быстротой. Среди обитателей мыса Йорк это считается работой, требующей двоих людей: один вырезает снежные пласты и передаёт другому, а тот складывает из них хижину. Тут же один человек сначала только делал надрезы на снежных сугробах того участка, который казался ему подходящим для кладки хижины, а затем вырезал пласты и сразу складывал из них хижину. И всё это делалось с такой быстротой, что мы онемели. Жена человека тем временем взяла большую оригинальную снеговую лопату, имевшую не только обычную рукоятку, но ещё и ручку, приделанную к самой лопасти, и стала огребать [так! – М.К.] осыпающийся со стен снег и оглаживать самые стены по мере того, как они росли. Таким образом, забиваются все скважины между пластами кладки, и в хижине бывает тепло в любую погоду.

Меньше чем в три четверти часа были сложены три большие хижины, а почти одновременно с тем, как была готова в хижине и снежная лежанка, на ней зажглась жировая лампа, распространяя тепло в жилье».

К. Расмуссен. Великий санный путь

А ещё снег может помочь преодолеть пешком огромные расстояния.
Ну. не совсем пешком. А на лыжах.

Глава 4

Феномен пурги

Кто скажет, сколько поколений юных романтиков выросло на книгах Жюль Верна, Луи Буссенара и Джека Лондона? Мужественные арктические первопроходцы «Смока Беллью», «Ледяного ада» и «Капитана Гаттераса» преодолевали заснеженные равнины, терпели невероятные лишения, замерзали едва ли не насмерть (а иногда – и насмерть) и подвергались самым невообразимым опасностям. Но... среди всех вообразимых и невообразимых напастей в этих текстах напрочь отсутствовало одно природное явление, знакомое практически каждому северянину. Это явление – пурга.

Я не раз задавался вопросом, почему понятие пурги почти полностью отсутствует в западной приключенческой литературе. Причём, если несуществующий «ледяной плевок» уверенно кочует из романа в роман, а знакомство с абсолютным сибирским холодом грозит самыми невероятными пакостями даже со страниц вполне серьёзных изданий, то пургу граждане романисты упорно обходили стороной.

Ну ладно там – Жюль Верн, который никогда на своей яхте не поднимался выше Фарерского архипелага! А тот же Лондон – онто, по крайней мере, на Севере побывал!

Здесь существует только одно объяснение. Пурга – одновременное сочетание ураганного ветра, сплошного снегопада и мороза настолько ужасно для человека западной культуры, что кажется невероятным даже для полуфантастической прозы. К слову сказать, мороз при пурге обычно немного отпускает – самые сильные холода характерны преимущественно для районов с неподвижным воздухом.

Пурги Аляски

Известно, что Джек Лондон прожил на Аляске всего одно лето в качестве корреспондента, и этого оказалось достаточно, чтобы он в своём воображении (а впоследствии и на бумаге) создал целый мир со своей природой, географией, людьми. Основное действие его аляскинских рассказов развивалось в таёжной зоне, где лес мешает разогнаться ветру до приличных скоростей. Мне самому пришлось провести зиму в центральных районах Аляски, и действительно – стылый замороженный воздух там настолько неподвижен, что кажется – его можно резать ножом. Пурги – это отличительная черта открытых равнин и морских побережий. Но уже где-нибудь на Алеутах или мысе Барроу пурги случаются такие – ещё Чукотка позавидует!

Пурги морских побережий

Всё северное побережье Тихого океана исчерчено бесчисленными шрамами пург. Полоса тундры, протянувшаяся от полуострова Тайгонос почти до самого устья Амура, есть не что иное, как следствие действия сильного морозного ветра, смешанного с мелким секущим снегом. Почти без преувеличения можно сказать – пурги определили лицо ландшафта тихоокеанского побережья России. На морских побережьях есть места, где сильные ветра возникают не только во время циклонов. Сопки и заливы образуют рельеф, с уступов которого срываются мощнейшие воздушные потоки, образующие настоящие локальные ураганы, такие как южак или бора.

Пурга – одно из самых страшных явлений на Севере.

Порой пурги являются неотъемлемой частью погоды на сложных горных участках. Эти районы летом легко узнать по безлесью, по угнетённой растительности, по голым пятнам земли, с которой содран прикипевший к ней лишайник; зимой они узнаются по твёрдым надувам и застругам, которые даже не ухватишь лопатой.

Синдром ожидания

Когда работаешь зимой в удалённых районах или на Севере, то рано или поздно сталкиваешься с настоящей пургой.

Перед пургой.

Основной способ переживания пурги – это не встретить её в дороге. Зная об этом, путешественник всячески старается избегать столкновения с ней в пути. Он начинает коллекционировать народные приметы, пытается развивать собственное шестое чувство. Обращается за советами ко всевозможнейшим знатокам и шаманам. Обычно такой синдром ожидания проявляется после того, как человек пережил в четырёх стенах какой-нибудь хороший добрый многодневный буран.

Но тем не менее значительная часть людей, проводящих много времени в разъездах, так или иначе сталкивалась с ней лицом к лицу.

Однажды и мне довелось повстречать её на тропе.

Наперекор приметам

Дело было весной. На Первое мая. Каюсь, я пренебрёг народной приметой, очень популярной у одного моего приятеля-охотоведа. Примета эта гласила: «Гневается боженька на большевиков. Ни один из майских праздников без пурги не проходил!».

Даже деревьям приходится несладко в пургу...

Да и утро не особо располагало к поездке – небо хмурилось, потеплело. Должен, кстати, сказать, что потепление – один из наиболее безошибочных признаков ухудшения погоды. «Да ладно, ерунда. На снегоходе пятьдесят километров – это час хода. Успею вернуться», – подумал я и, посадив на нарты приятеля-охотника, двинул к подножию горы Эгуйя – самой высокой вершины Кони-Пьягинского полуострова. Но уже практически возле цели нас на горах застал... дождь, снег начал раскисать, и волей-неволей я был вынужден искать место для стоянки. Пока я присматривался к редким островкам леса на склонах гор, ветер усилился, дождь превратился в снегопад и начался настоящий буран.

Переживание пурги

Место для бивака я определил возле двух крупных сухих деревьев. Никакого убежища от ветра поблизости не было, но у меня имелся один план. Отправив компаньона валить деревья, сам я вооружился ножовкой, которую всегда имею в «бардачке» снегохода. Судя по ветвям на стволах деревьев, высота снега здесь была не меньше полутора метров.

Пурга начинается...

Пришло время проверить на практике знание, почерпнутое из книг, о том, как надо строить заслоны из твёрдого снега. Слава богу, снегоход позволяет возить довольно большой НЗ, куда входит и изрядный кусок брезента, и ручная пила, и несколько мотков верёвки, и настоящий, серьёзный топор, и довольно много всего другого, столь же полезного.

Пилой я выпиливал из твёрдого снега кирпичи, из которых складывал высокую стенку, одновременно углубляясь в сугроб. Ветер усиливался. Я подтащил снегоходом к яме два ствола, сваленных моим приятелем. Наконец, убедившись в том, что «Буран» мне пока больше не нужен, я поставил его боком к ветру, используя снегоход как дополнительный от него заслон.

Выкопав яму глубиной в метр, длиной метра в три и столько же шириной, я решил, что пора успокоиться. Мы уложили брёвна вдоль ямы, сделали ложе из нарт и двух пар лыж, заваляли его стлаником, выкопанным из-под снега. Брезент размером три на три метра я использую с фланга моей импровизированной стенки высотой около ста двадцати сантиметров – чтобы не задувало. Игорь, мой приятель, разжигает костёр. Благо, наличие в баке снегохода бензина снимает любые проблемы с этим делом. И мы в полудрёме коротаем ночь в клубах дыма.

Наутро пурга стихает. Подмораживает, и я слышу гул снегохода. Подъезжает охотовед Володя – тот самый автор приметы о боженке и большевиках.

Снегоход в плохую погоду.

- Во, надо же! Я раньше только картинки про снежные крепости видел, а теперь приходится на самом деле на это поглядеть!
- Крепость крепостью, зато пургу пересидели.
- А не ездили бы по «первым маям», так и сидеть бы не пришлось! Отлично бы на избе чаю попили.

Что делать?

Что же рекомендуют бывалые люди попавшим в пургу путешественникам?

Прежде всего – не паниковать. Так как видимость в пургу сразу падает, надо твердо решить, как продолжать движение и продолжать ли его вообще. Сразу же надо отметить для себя ориентиры, промахнуться мимо которых нельзя, в которые можно только упереться. Это может быть горный склон, ручей, морской берег. Надо постоянно вглядываться в белёсую мглу – пурга почти наверняка идёт порывами, в какой-то момент пелена чуть порвётся – и из снежной круговерти выступят очертания сопков, скал, деревьев. Ловите этот момент!

По большому счёту – если вы двигаетесь по незнакомым местам или у вас есть какие-то сомнения в направлении движения – сидите на месте, закопайтесь в снег, палите костёр. Ничто не вечно, и пурга тоже. Но возможен вариант, что она затянется на несколько дней.

Если вы всё-таки решили двигаться, очень чётко определите, куда вы идёте. Направление ветра можно использовать в качестве ориентира, но с очень большой осторожностью. Во-первых, ветер может сам по себе менять своё направление, во-вторых, вы, огибая склоны сопков или опускаясь в лощины, можете ловить разные его потоки. Ни в коем случае нельзя срезать углы! Без постоянных ориентиров вы рискуете уйти в самом неожиданном направлении!

Лагерь в пургу.

Помните, что в самом начале я писал о синдроме ожидания пурги у путешественников? Он проходит после того, как вы повстречаете её лицом к лицу. Но такая встреча закончится для вас благополучно, только если вы в своей жизни руководствуетесь принципом «Никогда не сдавайся!».

Позёмка

Сродни пурге такое явление, как позёмка.

Не будучи пургой, позёмка также способна причинить массу беспокойства бродящему люду.

Позёмку вызывает сильный ветер, срывающий снег с вершушек застругов и сугробов. Порой это явление может принимать такой масштаб, что кажется – поднимается настоящая снежная буря. Причём такая позёмка может быть гораздо хуже настоящей пурги – хотя бы потому, что позёмка не всегда сопровождается потеплением. А пронзительный ветер метров тридцати в секунду вкупе с тридцатиградусным морозцем – погодка нисколько не приятная для лыжных прогулок по пустынным нагорьям!

К тому же такой ветерок может подняться буквально за считанные минуты – и посреди ясного солнечного дня!

Это является следствием неравномерного нагрева воздуха в горах и контраста температур между тёплым воздухом наверху и холодным в низинах. А продлиться такой ветерок может несколько часов – вплоть до суток. Поэтому, если он внезапно ловит вас на маршруте, а вы одеты, что говорится, «не по случаю», то выход один – уходить вниз, с открытых пространств в лес. И идти тайгой до ближайшего зимовья.

Чинук

В зимних горах существует ещё один температурный феномен. Согласно законам физики, тёплый воздух поднимается наверх, холодный – скатывается вниз, поэтому традиционно считается, что наверху теплее. Но наверху почти всегда дует ветер, и поэтому воздух там за ночь охлаждается, а утром этот охлаждённый воздух скатывается вниз, в низины. Иногда такой утренний ветер бывает довольно сильным и поднимает очень сильную позёмку. Длится он, как правило, где-то до полудня. У метеорологов это явление называется «чинук». С ним часто сталкиваешься весной, когда земля ещё одета снегом, днём довольно тепло, но ночами ещё ощущается сильный мороз.

В пургу замирает всякая жизнь...

Порой это явление доставляет много неприятностей путникам, задерживая их в дороге и заметая следы.

Выход здесь, как всегда, только один – ждать.

Глава 5

«Генерал Мороз»

Если феномен пурги, как ни странно, практически не знаком западному читателю, то этого ни в коем случае нельзя сказать о морозе. Слово «мороз» западные беллетристы предпочитают писать с большой буквы, а особо продвинутые зовут его «Генерал Мороз». По мнению этих же беллетристов, вышеупомянутый «генерал» выиграл для России две Отечественные войны (1812 и 1941 гг.), не пустил вглубь страны англо-французов в 1854 году и совершил ещё бесчисленное множество гораздо менее известных, но от этого не менее славных подвигов. Упомянутые беллетристы обычно забывают, что в 1940 году «Генерал Мороз» оказался на стороне финнов, а в 1812 и в 1941 годах количество погибших от холода было примерно одинаковым с обеих сторон.

Мороз на самом деле не делает различий между своими и несвоими. Точнее, «своих» для мороза не существует.

Царство мороза и снега представляет собой весь Север России на протяжении почти шести месяцев в году.

Вопрос, с какой точки заканчивается вполне комфортный холод и начинается лютый мороз, относится к одному из самых субъективных для человечества в целом. Есть, правда, некоторые общие закономерности, относимые к области физиологии, – женщины гораздо больше чувствительны к холоду, чем мужчины, голодный человек замерзает быстрее, основная теплоотдача идёт через голову и конечности.

Игры с температурами

Существует две пороговые температуры, которые определяются, так сказать, на ощупь: это минус двадцать и минус сорок градусов по Цельсию. Первый порог можно условно опреде-

лить как рубеж, за которым для среднего человека становится, по ощущениям, холодно. Второй же рубеж обычно обозначает общее замедление ритма жизни, которая начинает тянуться как патока, как жидкий мёд, как тягучие нити теста из квашни. Сорок градусов – это, как принято говорить на Севере, «серьёзный минус», с ним считаются вне зависимости от привычки к холоду и стажа жизни в полярных странах. Кроме общего ощущения холода этот рубеж порождает ещё много всяких противных бытовых неудобств. Очки заиндевают, ни к какому металлическому предмету нельзя прикоснуться обнажённым пальцем. Трудно прицельно стрелять, трудно делать что-либо, связанное с быстротой и ловкостью. Мало того что на вас обычно довольно много всего надето, так ещё и реакция в этих условиях замедляется. Ходишь медленно, не торопясь, иначе очень трудно дышать. Уши и нос то и дело норовят отмёрзнуть. Провести несколько часов на таком морозе сродни тяжёлой работе. При температурах ниже сорока люди предпочитают отсиживаться дома, а не ходить по охотничьим путикам или валить лес. Кроме того, за этим рубежом понижение на каждый градус рассматривается как очень большой температурный скачок, субъективно сравнимый с понижением от минус тридцати до минус тридцати пяти.

Иней на лице – верный признак мороза за минус двадцать пять.

Надо отметить ещё один курьёз – когда температура неожиданно поднимается с минус сорока одного до минус двадцати пяти, то это воспринимается как реальное и очень серьёзное потепление. Идёшь весело, размашисто, полушубок полурасстёгнут – почти жарко!

Такой вот температурный феномен...

Что делать?

Дурацкий вопрос «Почему сибиряки холода не боятся?» имеет не менее дурацкий ответ «Потому что одеваются тепло». Ответ этот обычно сопровождается идиотским хохотом.

Несмотря на общую глупость ситуации, ответ-то абсолютно правильный! Насколько я понимаю, специальными биологическими адаптациями к холоду из человеческих существ обладают только эскимосы. И то эти адаптации имеют очень и очень ограниченное значение. По крайней мере, искупавшийся в холодном море Эскимос без огня всё равно замерзает.

Выходя на холод, необходимо, кроме очевидных вещей (тёплая куртка, шапка, свитер с отворотом или шарф, рукавицы, тёплая обувь), надевать тёплые подштанники, причём особенно беспокоиться надо о согревании промежности. Ягодицы и передняя часть бёдер на сильном морозе и тем более ветре замерзают очень сильно. В этом случае помогают вязанные шерстяные колготки или рейтузы, а также двухслойные штаны.

Вообще, при одевании на морозе необходимо строго придерживаться одного из двух подходов: или русский традиционный «а-ля натюрель», или современный «хай-тек». Тот и другой подходы имеют ярко выраженные преимущества и недостатки.

Русский традиционный подход

Это, прежде всего, меховая шапка-ушанка, вязаный шерстяной свитер (поверх свитера можно надеть хлопчатобумажную «энцефалитку» – очень способствует удержанию тепла). На голое тело надевается хлопчатобумажная тельняшка, потом – рубаха. Никакой синтетики, только шерсть или х/б! Вязанные рейтузы, на них – штаны из тонкого войлока. На ноги – естественно, тёплые шерстяные носки и валенки или унты. На руки – тёплые свободные меховые рукавицы.

Ну и сверху – свободный, не стесняющий движений, спускающийся ниже колена овчинный полушубок.

Одежда в мороз.

К плюсам этой манеры одеваться относится возможность находиться на морозе неопределённо долгое время. Сухая тёплая шерсть создаёт ни с чем не сравнимое ощущение комфорта и уюта.

К минусам надо отнести то обстоятельство, что одежда эта продувается, легко отсыревает и много весит. Движения в ней довольно стеснены, двигаться в ней быстро и ловко для непривычного человека затруднительно.

Современный стиль – «хай-тек»

«Хай-тек» стиль одевания на морозе полностью опирается на использование современных материалов. Из несинтетики здесь может идти в ход разве что гагачий пух.

Такой комплект включает в себя термобельё и современные комбинированные носки, полартековый свитер, стёганные на холлоу-файбере штаны и приталенную комбинированную двухслойную куртку. Первый слой делается из гагачьего пуха, второй – простёгивается из того же самого холлоуфайбера.

Подробнее о холлоуфайбере: это очень интересный вариант синтепона, где каждое волокно сделано по принципу волоса северного оленя – оно пустотелое. Имеющий такое строение мех (а у животных он встречается кроме северного оленя ещё и у снежного барана) заслуженно считается лучшим теплоизолирующим материалом. Слой пустотелых волокон держит тепло так, как, наверное, ни одно другое волокно в мире.

Ноги в таком «западном» варианте защищаются ботинками Sorel – вариантом бахил с подшитыми галошами и вкладышем из войлока или того же прессованного синтетика. На голове – стёганая синтепоновая шапка с полумаской для облегчения дыхания. На руках – лыжные рукавицы.

К плюсам этой экипировки относится малый вес, удобство, лёгкость в пользовании – удобно как одеваться, так и раздеваться.

К минусам – как бы ни была хорошо сконструирована одежда из синтетики, всё равно дышит она на морозе с трудом. Соответственно очень долго на морозе в таком обмундировании находиться нельзя.

И ещё один камешек в хайтековский огород. Как правило, производители, указывая морозостойкость своих материалов, несколько её... м-м-м... завышают. На практике она несколько меньше, нежели указано на этикетке. И чем менее «брендовый» у неё производитель, тем больше эта разница между заявленным и реальным.

Традиционный северный подход

Традиционный северный подход включает в себя одежду, пошитую из шкур северного оленя. В первую очередь это, конечно, кухлянка, или камлейка. – сшитая колоколом куртка с капюшоном, надевающаяся через голову. Куртка эта двухсторонняя – мех на ней с обеих сторон, снаружи и внутри. Сверху она затягивается дважды: на шее – через шнурки, вокруг лица – капюшоном. Кухлянка в классическом исполнении надевается прямо на голое тело – жарко в ней неимоверно даже в самый лютый мороз.

Штаны шьются из пыжика, на ноги надеваются торбаса, изготовленные из камуса – шкуры, снятой с голени того же оленя. Рукавицы делаются традиционно из шкуры неблюя – неродившегося оленёнка.

Одежда северных аборигенов практична, удобна, но легко отсыревает, на мой взгляд, излишне тепла. Что ж – это дело вкуса, как принято говорить на Колыме. – ошпаренных на свете гораздо меньше, чем обмороженных.

«Невозможно удержаться от похвальной оды оленьей меховой одежде. Но прежде несколько слов о строении волосяного покрова северного оленя. Оно уникально. Длинные остевые волосы состоят из клеток, наполненных воздухом, что придаёт им особую термостойкость, обеспечивая защиту от сильных морозов. Тонкий подшёрсток не даёт сваливаться остевым волосам. Оленья кожа очень гигроскопична, что немаловажно при носке меховой одежды. Надеваешь меховую одежду, как бы врастаешь в шкуру северного оленя и начинаешь чувствовать и вести себя, как это уникальное животное.

Но уход за меховой одеждой требует знания множества секретов. У каждого пастуха, если даже у него нет жены, есть женщина, которая шьёт ему одежду и ухаживает за ней. У меня, зоотехника-оленовода, такой женщины не было, и приходилось самому приглядывать за своей меховой одеждой. Вернувшись с дежурства из оленьего стада, где набегался до седьмого пота, выворачивал кухлянку кожей наружу и запотевшую намокшую кожу растирал руками до тех пор, пока она не станет суховатой. Потом кухлянку можно повесить на жёрдочку в яранге для просушки теплом и дымом. Кстати, дымление (а в яранге – открытый костёр, и дым, выходя через небольшое верхнее отверстие, всё же держится на высоте полутора метров) укрепляет оленью кожу. Лучшими считаются хорошо продымлённые чижи. Не дай бог повесить их на просушку мокрыми. К утру они затвердеют так, что потратишь и час и два, чтобы размять.

А бросишь кухлянку мокрой, кожа может и расползтись, и тогда распрощаешься с теплом.

Зимой требуется запасной комплект меховой одежды. Ярангу с собой не возмёшь, поэтому поступают так: мокрую от пота кухлянку бросают на снег, чтобы она замёрзла, потом хорошенько выбивают палкой. И кухлянка снова суха. Кстати, без снеговывивалки никто никуда не ездит и не ходит. Обычно её, изготовленную из толстого крепкого оленьего рога, носят, подвесив к поясному ремню.

О торбасах. Летом для подстилки в торбаса заготавливается крупностеблевая солома. Зимой без таких стелек не отправляются в дальний путь.

А когда просушиваешь вывернутые торбаса, сшитые из оленьих камусов, не зевай: перекалишь – кожа свернётся, задубеет и крошится».

В. Задорин, оленивод и путешественник, доктор биологических наук

Морозные хитрости

Когда долгое время находишься в зоне низких температур, естественно, придумываешь какие-то мелочи, которые помогают это дело пережить. Всё-таки не стоит забывать, что комфортная температура для примата *Homo sapiens* колеблется от восемнадцати до двадцати шести градусов по Цельсию. Выше нуля, естественно. То есть на морозе человек жить, по идее, не должен. Не должен, но живёт.

Один из вариантов – мазать салом (обязательно несолёным!) или растительным маслом нос, щёки и уши. Защищает от обморожения!

При движении на морозе важно правильно дышать: нельзя хватать воздух ртом – можно запыхаться и быстро устать.

Старайтесь как можно меньше выходить на улицу, если сильный мороз сочетается хотя бы со слабым ветром.

На ветру обморожение происходит мгновенно.

Морозная мгла

Морозная мгла – очень специфическое образование, которое способно сильно осложнить жизнь человеку в условиях низких температур. Обычно она собирается в низинах, где находятся деревни, городки, стойбища и прочие населённые пункты. Морозная мгла образуется от микроскопической изморози, которая накапливается на частицах сажи из труб или пыли от предприятий, концентрируется она, как правило, в низинах, и для того, чтобы выйти из неё, достаточно просто подняться по склону.

Морозная дымка.

Вообще-то, мороз – это одна из личин вселенского холода, в океане которого плавает наша планета, согреваемая лучами соседней звезды. И именно за морозом, точнее за холодом, останется последнее слово в противоборстве жизни и смерти. В конце концов энтропия побеждает всё.

Глава 6

Наледи

Декабрь на Охотском побережье, как, собственно, и везде в Северном полушарии, – самый негостеприимный месяц. Два снегохода с научными сотрудниками выехали с базы ТИНРО в среднем течении реки Чёломджа, что впадает в Охотское море. Стоял жуткий мороз – по словам очевидцев, зашкаливало за сорок пять градусов. Владимир Вовченко, ехавший позади, чуть замешкался и потерял своего напарника, Володю Иванова, из виду. А когда выехал из-за поворота, то обомлел: снегоход Володи стоял на лыжне, рядом с ним кипела бьющая из-под снега вода, а сам Володя сидел на краю полыньи, свесив ноги в воду. Услышав подъезжающий «Буран», он повернулся и как ни в чём не бывало спросил:

«Ну как?»

Автомобиль в наледи.

Наледь зимой – один из самых страшных врагов человека на белой тропе. На первый взгляд её существование противоречит законам природы. Откуда ни возьмись на сорокаградусном морозе вдруг из-под снега начинает течь живая вода. Причём порой эта картина настолько живописна, что просто потрясает воображение даже многие испытавших людей.

Собственно говоря, сам мороз и вызывает наледи к жизни.

Возникновение наледей, вообще-то, напрямую связано с одним из чудес природы, которое я, впрочем, не до конца понимаю. – тем, что реки продолжают течь зимой даже в краю вечной мерзлоты, там, где толщина мёрзлого грунта больше, чем двести метров. Живая вода, непрерывно текущая откуда-то из земных недр, вступает в непримиримое противоборство с холодом, царящим на поверхности суши, – тогда и образуются наледи.

Наледи в тайге

Есть два варианта происхождения наледи в период сильных морозов. Наледи первого вида образуются в тайге – там холод замораживает поверхность земли, через которую вода

постоянно сочится, она пробивает себе какой-то один, определённый путь, и вместо нескольких десятков квадратных метров влажной земли мы получаем небольшую ямку с водой. Время наиболее активного появления этих заполненных водой впадин – первая половина зимы, обычно – до нового года. Потом мороз полностью закрывает доступ наружу таким небольшим, микроскопическим родничкам. Однако эти ямки и ложбинки, наполненные водой, которую нельзя заметить под снегом, – едва ли не самый опасный вид наледей на Севере. Дело в том, что, в отличие от речных наледей и наледей на ручьях, они практически непредсказуемы. Шагает человек в валенках по замороженной, недавно присыпанной снегом тайге. Мороз давит уже за тридцать пять, светлого времени пути до избушки осталось где-то часа три – не много, но и не мало, и тут – ступает он в сугроб, а под ногами – хлоп... Шагнул вправо, влево – хлоп да хлоп...

И человек с ужасом понимает, что обувь его промокла насквозь. К сожалению, в такой ситуации единственно верный вариант – срочно разводить огромный костёр, сушиться у него всю ночь и продолжать движение поутру. Потому что во вторую половину дня мороз не отпустит, а будет только крепчать, ноги в мокрых валенках схватятся мёртвыми морожеными колодками и... Дальше можно не продолжать. Минимум, чем это может обернуться. – обмороженные ноги. И в принципе в этой ситуации гораздо легче не дойти до избушки, чем дойти.

Собственно говоря, этим и объясняется на первый взгляд более чем парадоксальное поведение Володи Иванова, которое описано в начале главы. Он на снегоходе заехал глубоко в наледь, мгновенно понял, что ноги промочил насквозь, и резонно сообразил, что температура воды в промоине в любом случае выше температуры воздуха. Зная, что сзади едет ещё один снегоход, а до тёплой избушки не более пяти километров, он просто сунул ноги в воду и подождал напарника.

Если вам повезло и вы мгновенно выдернули ноги из воды, то поверхность вашей обуви может только схватиться ледяной коркой, которая не даст воде проникнуть дальше внутрь. Это самый предпочтительный вариант, который практически безопасен для вашего здоровья.

Самый верный способ избежать неприятностей, связанных с наледью зимой, – это пользоваться водонепроницаемой, но очень тёплой обувью. К сожалению, эти качества плохо совместимы в одном изделии, однако же...

Сегодня в продаже много видов обуви, на этикетках которой написано достаточно всяких приятных вещей. Здесь и «водонепроницаемость» – Waterproof, и впечатляющая морозостойкость – Below -68° in Celsius scale. Впрочем, если честно, то я бы с очень большой осторожностью вверял своё здоровье этим надписям.

В принципе существует на свете очень удачный вариант зимней обуви, сочетающий в себе войлочный чулок, резиновую галошу и бахилы, – канадская обувь Sorel. По отзывам, они на самом деле греют ноги при очень низких температурах и в нижней своей части не промокают. А если у вас нет возможности обзавестись такими всепогодными сапогами, то испытанный и надёжный рецепт – валенки с галошами и надетыми поверху брезентовыми бахилами. В случае если погода не очень холодная (до минус двадцати – двадцати пяти), можно использовать яловые сапоги на меху, пропитанные смазкой или жиром.

Самый верный способ не попасть в такие рассыпанные по тайге микроналеды – это всячески избегать низин и мест, которые с виду напоминают болота – россыпью ли кочек, пятном снега, напоминающим бочажину, мелким корявым листовенничником. Кроме того, можно посохом прощупывать сомнительные места впереди себя – на конец палки налипает мокрый снег (хотя далеко не всегда), а также внимательно смотреть на собственные следы позади – часто наледы не начинаются «вдруг», и вы увидите, как в ваших следах появится первая вода. Тогда – немедленно давайте задний ход и ищите окольные пути.

Речные наледы

Наледи на реках образуются, когда на мелководье русло промерзает насквозь, перекрывая ледяной плотиной течение воды. Тогда вода просачивается на поверхность по каким-нибудь трещинам и бежит поверх льда, пока не уходит снова вниз или не промывает собственных путей. Иногда такое перемерзание случается на боковой протоке, а иногда – на основном русле. Эти прорывы живой воды поверх льда в сильные морозы иногда выглядят впечатляюще. Поверх льда, плавая снег, течёт зеленоватый (текущая по льду вода всегда кажется зеленоватой) поток, который кажется вязким из-за плывущей снеговой каши, а ещё и из-за того, что на поверхности воды почти моментально образуются микроскопические иголочки льда. От этого потока вверх поднимается облако пара – тем гуще, чем сильнее мороз. Откуда-нибудь с горы «живые» наледы легко заметны именно благодаря стоящим над ними столбам тёмного пара. Этот пар оседает изморозью на прибрежных деревьях, и они приобретают совершенно фантастические, сказочные очертания – как будто побывали в руках лишённого чувства меры декоратора.

Такие речные наледы представляют опасность в нескольких случаях – когда вода только начинает просачиваться под снег и ещё не промочила его насквозь; когда она «выбежала» в пойменный лес, на Несколько десятков метров от основного русла (иногда – на несколько сотен), и продолжает прятаться под снегом: когда вода в наледи прибывает стремительно, а у вас в ней застрял снегоход или трактор. К слову, стремительный подъём воды в речной наледи – случай вполне заурядный, я наблюдал, как за три часа на льду реки Чёломджи намёрзла наледь высотой в полтора метра – почти в человеческий рост!

Застрявшие в таких наледях снегоходы потом выпиливают из льда бензопилой, ставят этот монолит на нарты и везут в какое-нибудь тёплое место – гараж или баню, где уже и ремонтируют.

Наледи, подобные описанным, могут распространяться на обширные пространства – в несколько квадратных километров, они заливают даже стоящие высоко над рекой (метра на два) избы и постройки. Движение большой речной наледи на реке – серьёзное событие, и, если оно происходит неподалёку от вашего лагеря, к нему есть смысл отнестись очень внимательно.

Утешает одно – любой наледи суждена очень недолгая жизнь. Через день-два, максимум через три, это будет просто большой кусок льда. Главное, чтобы вы не оказались в него впаяны.

Многолетние наледы

Кроме зимних наледей бывают ещё и летние. Точнее – это те же зимние наледы, но не успевшие растаять к середине лета. Иногда они не тают полностью до следующей зимы – тогда они становятся наледями многолетними. Многолетние наледы особенно распространены в Якутии, где носят гордое название *тарынов*. Самая большая многолетняя наледь, длиной более сорока километров, лежит на притоке Индигирки реке Моме и звучно зовётся Улахан Тарын, что попросту значит – Большая Наледь. Такие наледы имеют значение, прежде всего, для тех, кто передвигается сплавом по этим рекам. Дело в том, что в первую половину лета эти наледы зачастую являются непроходимыми. Вода прорезает в них множество мелких тоннелей, которые сверху прикрыты бело-голубым панцирем. Обычно они имеют форму овала, вытянутого вдоль русла реки, длиной в один-два километра, так что не составляет труда обнести весь груз и сами лодки по краю этой ледяной линзы.

Панцирь нетающего льда (Амгуэмская наледь).

Ближе к осени каналы в наледях протаивают насквозь, и становится возможным преодолеть их на лодках. Это несложно, но единственная проблема заключается в том, что река под наледью обычно разбивается на несколько десятков протоков, и все они – мелкие. Угадать

среди них основную протоку (даже если она есть, а это далеко не всегда так) очень нелегко, поэтому преодоление наледи зачастую выливается в постоянную разгрузку лодки и перетаскивание снаряжения от одного рукава, в котором вода полностью ушла в гальку, до другого – в котором её неожиданно прибыло. Лодочные караваны с большим количеством снаряжения преодолевают обширные наледи где-то за день.

Место, где существует такая постоянная наледь, очень легко угадать, даже если к моменту вашего появления эта наледь уже совсем растаяла. На месте многолетней наледи, естественно, ничего не растёт – это просто кусок галечной или песчаной пустыни, по которой во всех направлениях бежит вода, эдакий феномен – пустыня с водой. Растить там ничего не может по определению, ибо это место десять месяцев в году сковано панцирем льда. Перед собой вы видите открытое пространство, круглую площадь радиусом в несколько километров, на которой река выглядит, как хаотично расплетённая верёвка, волокна которой пересекаются во всех направлениях и вновь сходятся на другой стороне этой марсианской пустыни с водой, там, где вновь начинается стена тайги. И река вновь обретает своё русло.

Надлёдная вода

Весной наступает момент, когда двухметровый лёд на реках и озёрах ещё стоит «неколебимо, как Россия», но снег уже начинает потихоньку таять, на бровках берегов, на припекаемых солнцем вершинах сопков и холмов, в лесу и на поле. Талая вода потихоньку опускается до земли и сочится под сугробами вниз по склону, пока не достигает какой-нибудь впадины – оврага, озера или замёрзшей реки. Здесь вода потихоньку начинает скапливаться под снегом, пропитывая всю его толщу. Попасть в такую наледь лыжнику, пешеходу или снегоходчику в это время года почти никогда не означает возможную гибель, но неприятностей можно хлебнуть сполна. Наледи, особенно расположенные под бровками берега, могут оказаться очень глубокими – до полутора метров. Дело в том, что лёд на реке в течение зимы испытывает деформацию и к весне выглядит следующим образом – возле берегов он слегка опущен, а посередине приподнят, как мостик. Это происходит оттого, что края ледяного панциря примёрзли к берегам, а середина уже приподнялась под напором едва заметно прибывающей воды. В этих впадинах под берегами, где при этом лежат самые мощные сугробы, и скапливается основная надлёдная вода.

Весенняя наледь.

Но эта же надлёдная вода может уже равномерным слоем разлиться под снежным одеялом по всей поверхности льда, закрывающего реку или озеро. Такое открытие особенно неприятно для снегоходчика, который на полном газу вдруг опускается посреди белоснежного поля радиусом в три-четыре километра в водяную кашу, соскакивает с подножек и вдруг понимает, что эта каша, по сути, простирается от берега до берега и только сверху закамуфлирована не успевшим набраться воды снежком.

Такие скопления надлёдной воды можно обнаружить по неестественно синеватому тону снега. Но это можно сделать далеко не всегда, поэтому лучший способ избежать купания в весенней наледи остаётся прежним – объезжать или обходить все низины стороной.

Огибать, выжидать и терпеть, как советует классик северной литературы...

Глава 7

Распутица. Ледоход. Паводки и наводнения

Среди всех титанических сил природы, с которыми путешественнику приходится сталкиваться на Севере, первенство принадлежит, без сомнения, ледоходу.

В процессе ледохода объединяются несколько основополагающих физических сил, помноженных на мощь катящейся вниз к морю речной воды. Посудите сами: толщина льда на какой-нибудь большой приполярной реке вроде Колымы в момент начала его движения составляет около метра. Сколько весит такой толщины ледовое поле длиной в пятьдесят метров и шириной в двадцать, если вес кубометра льда равен девятистам килограммам?

Подсказываю – девятьсот тонн. И это вполне рядовое поле, каких в конце ледохода по реке идут десятки. А что вы скажете о гигантах длиной в двести метров и шириной в сто?

И эти гигантские белые корабли плавно двигаются вниз по течению, иногда наталкиваясь друг на друга или врезаясь в берега, где тут же с грохотом валятся деревья, вырываются с корнем кусты и, будто вздыбленные исполинским плугом, переворачиваются кубометры земли.

Ледоход.

Ледоход – это отнюдь не непрерывный процесс. Более того, на равнинных реках, где это явление приобретает поистине вселенский характер, он начинается далеко не вдруг.

Всё начинается с очень простого и знакомого всем нам явления – распутицы.

Распутица

Считается, что говорить о распутице путешественнику не имеет особого смысла. Распутица – она и есть распутица. Если она поймала тебя на тропе – сиди и жди. пока всё не растает. Ползти куда бы то ни было по раскисшему, глубокому снегу, мокрым ниже пояса от сне-

говой каши, а выше – от пота, выбиваясь из сил, рискуя всё время провалиться в полынью или забереги, – чертовски рискованно. Тут уж проще найти или соорудить себе долговременное убежище и переждать.

Но на Севере процесс таяния снега может затянуться – порой на месяц, а то и на полтора. Причём в разгар наступившей весны может нагрянуть многодневный буран, который «исправит» всё, что натворило перед этим безудержное весеннее солнце. И не у многих из нас есть возможность пережить распутицу в какой-нибудь самодельной хижине из жердей и полиэтилена. Кроме того, надо помнить, что вслед за ней последует паводок со всеми вытекающими отсюда последствиями. Паводок, с его быстрым течением в реках горных и широким разливом в реках равнинных, с его непроходимыми ручьями и пронзительно ледяной водой.

Тающий снег приобретает рассыпчатую структуру.

Но распутица не может полностью исключить возможность передвижения. Об этом – о способах движения во время самого тяжёлого для путешественника периода – мы и поговорим.

Наст и ночные заморозки

Снег начинает таять с поверхности. Причём, что особенно интересно, он сперва даже не столько тает, сколько возгоняется в пар под неистовыми лучами весеннего солнца. Его поверхность выглядит, как иглистая рубашка какого-нибудь невиданного инопланетного зверька. Приобретает снег такую структуру потому, что мельчайшие частицы песка или пыли (а их полно в атмосфере Земли даже в самой заполярной Арктике) в толще снега начинают нагреваться под палящими лучами солнца. Каждая такая пылинка является своеобразным аккумулятором тепла, и она начинает прорезать в снежной толще канал, который постепенно приобретает вид расширяющейся кверху воронки. Вот множество таких снежных воронок-каналов и создают на поверхности снега характерную «иглистую» структуру.

Тающий лёд: причудливые, практически воздушные формы.

Первым начинает раскисать снег на южных склонах холмов, сопок, берегов рек, а также на пространствах, по которым зимой ветер нёс пыль от каких-нибудь дюн или песчаных кос. Но раскисает он постепенно – ночью стоит устойчивый минус, и эти перепады температур способствуют образованию ледяной корки – наста. Наст иногда выдерживает даже человека без лыж, а уж лыжника-то он удержит всегда. Период настообразования чётко подсказывает путнику, что пора валить к ближайшему жилью – на реализацию этой идеи остаются считанные дни, может быть, один-два.

Поверхность тающего снега даже в морозные ночи начинает полноценно подмерзать где-то глубоко за полночь. Поэтому люди, застигнутые распутицей «на тропе», предпочитают отсыпаться днём где-нибудь на солнцепёке, потом дожидаться мороза и двинуться в путь около трёх часов ночи. Так они используют по максимуму все предоставляемые настом возможности. Тем более что наст начинает «обваливаться» где-то около одиннадцати утра. Так что в распоряжении ходока около шести-восьми часов полноценного времени лыжного хода. Кстати, в раннюю распутицу вполне эффективными оказываются и пресловутые канадские снегоступы.

В горах тает снег...

Но ночные заморозки в этот период недолги. так как из-за больших объёмов испаряющейся с поверхности снега воды на смену им приходит пасмурная погода.

Тут-то всё и раскисает окончательно.

Полная распутица

Полная распутица характеризуется тем, что снег превращается в пропитанную водой кашу, которая не держит человека вообще – ни на своей поверхности, ни даже своей вязкостью. Мне пришлось видеть, как человек ушёл в раскисший сугроб буквально «по брови» и так, «по брови», и двигался в его толще, пока не вышел на место, где толщина снега была «всего лишь» по пояс. Естественно, передвигаться в такой «кислятине» попросту нельзя – человек выбивается из сил метров за двести пути; да ещё и одежда его промокает насквозь. А ведь температура воздуха в это время держится вокруг нулевой отметки, да и сам мокрый снег имеет именно ноль градусов по Цельсию. Однако даже здесь возможны некоторые варианты движения в нужном вам направлении – просто надо найти оттаявшие участки земли. А это не так уж трудно.

Гребни и бровки

В этот наиболее катастрофический для ходока период даже в сплошь заполненных снегом долинах рек оттаивают уже довольно большие пространства. Как правило, это береговые бровки и пляжи. Передвигаясь только лишь по ним, вы можете уйти довольно далеко – даже в то время, когда ночные заморозки сходят на нет и возможности двигаться по насту не остаётся. Правда, в данном случае «довольно далеко» – это не более чем пять-шесть километров для молодого, жилистого, хорошо подготовленного человека. Ситуация усугубляется ещё и тем, что по реке и речному всплывшему льду идти уже практически нельзя.

Ловушка в раскисшем снегу.

С другой стороны, снеготаяние продолжается, лето приближается неумолимо, и с каждым даже не днём, а часом от снега освобождаются всё новые и новые участки земли.

Не надо быть особо сообразительным, чтобы понять – распутица не самое удачное время для путешествий...

Собственно ледоход

В начале снеготаяния вода, которая собирается с огромных площадей, скапливается на поверхности рек. Сперва она заливает лёд сверху – это происходит потому, что ледяной панцирь реки приморожен к берегам реки своими краями. Но вода просачивается под него по многочисленным трещинам, и лёд, который несколько легче воды, трескается на куски и всплывает.

На равнинных реках этот период может длиться довольно долго – около недели. Ледяные поля удерживаются на месте так называемыми перехватами – местами, где лёд ещё не отошел от обоих берегов реки, перегородив её таким образом. И только тогда, когда все льдины на реке обретают свободу, начинается могучий ход льда, описанный в начале этой главы.

Ледоход на таёжной реке.

Мощь ледохода из всех стихий сопоставима только с энергией снежной лавины. Но завыва в том, что далеко не каждый опытный путешественник хоть раз в жизни встречался со снежной лавиной. А вот ледоход происходит на каждой реке каждый год. Ледоход уносит с берегов десятки квадратных километров леса, срывает с неудачных стоянок баржи и катера, сносит поставленные избышки, перелопачивает тысячи кубических километров грунта. Но ледоход создаёт и ещё одну проблему, которая может в одночасье превратить его из титанического явления природы в катастрофу, подобную азиатскому селю.

Ледовые заторы

Движение льда происходит отнюдь не столь величаво и плавно, как рассказывают нам псевдонародные песни и БАМовские писания журналистов. Время от времени череда льдин въезжает в берега, идущие следом наплывают друг на друга, и река сама начинает городить поперёк себя плотину – так называемый затор. Иногда эти заторы вздымаются на несколько метров, и уровень воды в этой естественной запруде катастрофически повышается. В это время река подтапливает посёлки и деревни, которые, казалось бы, были построены вне зоны затопления. Но самое страшное происходит при прорыве этих заторов. Поток воды просто смывает всё на своём пути, и катастрофы, которые происходят во время заторашивания рек, сравнимы с атакой цунами на незащищённое морское побережье. Такой случай произошёл, например, в 1998 году, когда прорыв воды через ледовые заторы притоков Лены буквально снёс с лица земли несколько посёлков и маленьких городков.

Ледяной завал.

Поэтому при движении во время ледохода вдоль реки надо обращать самое пристальное внимание на её поведение. О появлении ледового затора говорит или резкое снижение подъёма воды – это значит, что вы находитесь ниже ледовой запруды: или, наоборот, её быстрый подъём – это значит, вас угораздило очутиться выше неё. В любом случае надо резко поворачивать и уходить в сторону от основного русла, с тем чтобы оказаться как можно выше над поймой – мощь прорвавшейся ледяной плотины может оказаться ужаснее артиллерийской подготовки. И здесь также для путешественника срабатывает одно из основных правил дзэн – не бороться с неизбежным, а уходить от него.

Паводок

Но после того, как лёд на реке пройдёт, самой удобной дорогой для путешественника останется всё та же река. Потому что все водотоки ещё почти три недели остаются распухшими от талых вешних вод. Причём на Севере паводковый процесс бывает растянут за счёт таяния вечной мерзлоты. Кроме того, после полного схода снега все ямы, впадины, канавы, протоки, старицы, словом – любые углубления в почве, ещё довольно долго остаются заполненными водой. В северных регионах России этот процесс к тому же задерживается – поскольку говорит своё слово вечная мерзлота, выполняющая роль водосдерживающего слоя.

Но распухшая от избыточной воды река представляет собой удручающее и грозное зрелище. Полые воды мутны и неряшливы, как одежда бомжа. Они несут на себе и внутри себя всё, что в состоянии смыть с берегов рек и поднять с илистого дна. Половодье утаскивает листья, ветви, брёвна и целые участки берега вместе с деревьями. Кроме того, скорость течения при половодье усиливается, на реке образуется множество водоворотов. Сплав по реке в это время довольно сложен, а на горных потоках – практически невозможен. Паводки также неприятны для путешественника тем, что в этот период на равнинных реках очень трудно найти место для стоянки. Поэтому при проходе реки во время паводка вам желательно тщательно рассчитывать

маршрут по карте масштаба не мельче 1:100 000, тщательно определяя все возможные места стоянок на предположительно незаливаемых берегах.

Здесь стоит помнить и о том, что во время половодья нередко временные колебания уровня воды, свидетельствующие, что паводок на спад пока ещё не идёт. Поэтому не стоит располагаться на местах со следами недавно прошедшего паводка – вода может подняться снова, и это произойдёт очень быстро. – потому что весь окружающий субстрат насыщен водой, и новое поступление влаги не сможет даже частично впитаться в берег.

Вообще-то, паводки на северных реках имеют обычно два пика. Первый случается при массовом таянии снежного покрова – сразу после прохождения льда или даже одновременно с ледоходом. После этого уровень воды несколько опускается и может даже достигнуть меженного уровня. Затем наступает время таяния снега в горах, и одновременно с этим – наиболее уязвимых слоёв вечной мерзлоты, давая, таким образом, толчок второму этапу паводка. Местные коренные жители называют это второй водой. Уровень этого паводка обычно несколько ниже, чем у первого, но бывают и исключения.

Надлёдная вода.

Скорость прохождения паводка обычно обратно пропорциональна площади водосбора реки, на которой он проходит. Быстрее всего вода спадает на горных реках с сильным уклоном и быстрым течением. Несмотря на грозный облик этого процесса – вода несётся по руслу реки как взболтанное шампанское, переворачивая огромные валуны и выворачивая с корнем деревья, – можно быть вполне уверенным, что эта картина продлится не более пяти дней, в худшем случае – неделю.

Не так – в нижнем течении больших равнинных рек, таких как Анадырь, Колыма, Лена. Вода в них поднимается медленно, но и так же медленно уходит – потому что огромная масса воды с трудом покидает массу проток, озёр, стариц и луж.

Подъём воды в летнее время

Наш рассказ о паводках будет не вполне законченным, если я не упомяну о летних подъёмах воды, связанных с дождями или таянием снегов на высокогорных вершинах.

Дождевые паводки неприятны своей непредсказуемостью. Конечно, если беспрестанно с неба сыплется мелкий нудный дождичек, который усиливается день ото дня, при этом грунт постепенно напитывается водой, то не надо быть колдуном, чтобы предположить, что вода в реке в конце концов поднимется. Но бывает и так – в далёких верховьях реки проходят мгновенные проливные дожди, поднимающие уровень воды в сотнях километрах вниз по течению буквально за считанные часы.

Ледоход на реке Убиенке.

Подъём воды в результате обильных дождей может быть совершенно катастрофическим и иногда превышает уровни обоих весенних паводков. Происходит такой подъём обычно в результате стечения нескольких обстоятельств – многодневного (а иногда и многонедельного) мелкого сеящегося дождичка, пропитывающего землю, а затем переходящего в краткосрочный, но очень обильный ливень (он обеспечивает наполнение паводковыми водами русла реки), и одновременно с этим массового таяния снегов в горах.

Раскисающий снег.

Говорю же я о возможности такого рокового стечения обстоятельств затем, чтобы читатель лучше понял один из основных тезисов, постоянно высказываемых мной в главе 36 «Реки и сплавы», – никогда не становитесь на реках лагерем прямо возле воды!

Кроме непредсказуемых дождевых паводков, которые могут случиться в любое время и в любом районе нашей необъятной Родины, существует и ещё одна категория стихийных бедствий, связанная с сезонными изменениями погоды. Это бушующие на территории Восточной Азии тайфуны, отголоски которых доходят до южных районов Дальнего Востока России. Эти тайфунчики вызывают на реках Уссурийского края мгновенно вскипающие, но совершенно катастрофические паводки. Поэтому в летнее время (а сезон тайфунов обычно приходится на июль-август) путешественник должен вообще стараться избегать при ночёвках любых впадин – они в одночасье могут превратиться в единый мутный водный поток от края до края долины.

Первая вода.

Общеизвестно, что в высокогорных районах осенние паводки, которые наступают в результате таяния снега и разрушения ледников, обильнее весенних. Поэтому путешественнику стоит помнить, что совсем не обязательно законы окружающей среды будут действовать одинаково в различных регионах нашей планеты.

Быть всегда ни в чём не уверенным до конца – это тоже одно из основополагающих правил дзэн...

«– Поднимайтесь, потоп! – разорвал сон чей-то голос.

Мы вскочили. С реки доносился треск и шум, тоскливо выл Черня, тревожно кричали кулички. Мы с Прокопием вскочили из палатки. Дождя не было. Красной бровью занималась заря. Приютивший нас остров исчезал под водою разгулявшейся Нички. Вместе с деревьями обваливались подточенные берега. По пересохшей протоке, отделявшей остров от материка, хлынула грязной волною река. Отступить было некуда. Поднялась суматоха. Спросонок люди хватали вещи и, не зная, куда бежать, топтались на месте. Самбуев бросился искать лошадей и вернулся – всюду вода и вода.

Она уже обошла со всех сторон поляну и зловеще надвигалась на палатки.

Мы видели, как остервеневшая река набрасывалась на изголовье острова. Вздогнули старые ели, поредели их вершины, и деревья, защищавшие от воды сотни лет этот небольшой клочок земли, вдруг раздвинулись и с треском стали валиться в реку, безнадежно пытаясь удержаться корнями за подмытую почву. Масса воды давила на нас. Где-то за протокой тревожно ржали растерявшиеся лошади.

Нужно было немедленно что-то предпринять, вода угрожала смыть вместе с островом и нас. По совету Павла Назаровича мы срочно приступили к сооружению плотов, без которых невозможно выбраться из ловушки. Работали два с лишним часа, не зная передышки. Никто не ожидал команды. Но беспокойный старик то и дело покрикивал:

– Торопитесь, ребята, иначе снесёт.

И люди с новой силой принимались таскать вещи; дружнее стучали топоры. А вода всё яростнее прибывала и уже затопляла край поляны.

Плоты наконец были готовы. Не теряя ни одной секунды, мы разместили на них всё наше имущество и собак. Оказалось, что плоты едва могут выдержать этот груз. А ведь нужно было поместить ещё восемь человек!

Пришлось дополнительно довязать несколько брёвен. Скоро вода ринулась через остров.

– На плоты! – повелительно крикнул Днепровский.

Все бросились к плотам. Я схватился руками за крайнее бревно, а рядом держался за сучок Самбуев. На плоту оказались Лебедев и Павел Назарович, а мы должны были следовать за ними вплавь, так как „судно“ и без того было перегружено.

Не успели отплыть и двадцати метров, как заднюю часть нашего плота накрыл вершиной упавший кедр. Плот завертелся, накренился. Послышался отчаянный крик. Тонул, придавленный сучьями, Самбуев. Лебедев бросился к нему на помощь. Ловким ударом топора он отсек вершину кедра, а Павел Назарович успел толкнуть шестом плот вперёд. Мы увидели выплывшего на поверхность Самбуева.

– Где моя будёновка? – кричал он, отфыркиваясь и смахивая кровь с исцарапанного лица.

Лебедев сильным рывком выбросил его на плот, а Павел Назарович, заметив, что перегруженный плот начал тонуть, спрыгнул в воду. Он, так же как и я, схватился руками за связанные брёвна, и, подхваченные течением, мы понеслись вниз по реке.

Лебедев, широко расставив ноги и упираясь ими в брёвна, забрасывал шест далеко вперёд и, наваливаясь на него всем корпусом, пытался подтолкнуть плот к берегу. От чрезмерного напряжения лицо его налилось кровью. Я совсем застыл в холодной воде, всё болело, словно сотни острых иголок впились в тело. У Павла Назаровича судорогой свело руки и ноги, лицо искажилось от боли. Он стал захлёбываться и тонуть. Это было вблизи берега. Лебедев бросился на помощь, взвалил Павла Назаровича к себе на плечи и, шагая по груди в воде, вынес его на берег.

Мы с Самбуевым задержали плот, привязали его к дереву и вышли на берег. Второй плот причалил несколько выше. Тотчас прибежал со спичками Прокопий.

Мы, сняв мокрую одежду, отогревались у костра.

Буря миновала, но вода в реке продолжала прибывать. Размывая берега, она всё больше пухла и пузырилась.

Остров проглотила река. Вырванные деревья, беспомощно раскинувшие ветви, уносило течением в неведомую даль. И только один, самый старый кедр ещё долго единоборствовал с рекою. Но вот и он качнулся, хрустнул под ним корень; ещё качнулся, и словно в испуге задрожала его курчавая вершина.

Мы видели, как этот великан, сопротивляясь, всё больше клонился к воде, как выворачивались из-под него огромные пласты размокшей земли.

И наконец он рухнул в муть объявшего его потока и печально застонал, ещё пытаясь удержаться корнями за пни срубленных нами деревьев.

...Так неудачно закончилась наша вторая встреча с Ничкой. Случай на острове послужил нам серьёзным предупреждением, и мы надолго запомнили, как опасно в непогоду ночевать на берегу горной речки, а тем более на острове».

Г. Федосеев. Мы идём по Восточному Саяну

Глава 8

Ветер

Место для очередной стоянки выбрали в устье речки Чануэнваам (до конца жизни запомню это неудобопроизносимое слово!). Наше внимание привлёк аккуратный холм напротив ручья с обрывистыми берегами. На его вершине красовались концентрические кольца камней, говорившие о том, что места эти издавна облюбованы оленеводами для стоянки. Мы, балбесы, этому и обрадовались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.